

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

№ 19

1989

Анатолий ГОЛОВКОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ВЕЧНЫЙ ИСК

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЁК» № 19

Издается с января 1925 года

Анатолий ГОЛОВКОВ

ВЕЧНЫЙ ИСК

ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989 г.

Анатолий ГОЛОВКОВ

Анатолий Эммануилович Головков родился в 1945 году в Москве. Печататься начал в 1968 году в Риге, в газете «Советская молодежь». Закончил факультет журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, после чего работал в ряде центральных изданий; несколько лет — в журнале «Крестьянка». Автор очерков на нравственные темы, двух книг публицистики: «Рабочая высота» (1984 г.) и «Преодоление» (1987 г.). В настоящее время — сотрудник журнала «Огонек».

Новая книга А. Головкова «Вечный иск» — попытка нравственного и политического осмысления недавней истории нашей страны.

* * *

Время необратимо. Были годы обвинений, страха, радости, разочарования... Побед, которые виделись несомненно и значительнее, чем могли бы быть. Годы голода и смертей, ошибок и покаяний, пессимизма и надежды — не вычеркнешь ни одного прожитого дня, ни одного часа. Сегодня мы выходим к свету, обрели новое дыхание, торопимся вперед, приближая будущее. Так надо ли вновь, спрашивает себя кое-кто из нас, собирать по крупицам мгновения давно ушедшего времени, сдвигать с них пыль забвения, склеивать воедино, как осколки разбитого зеркала...

На пороге двадцать первого столетия, возможно, вопрос этот звучит риторически, но нельзя стать иными, выйдя из прежней затхлой воды и не окунувшись в чистую ключевую воду. Невозможно воспитать себя в качественно ином мышлении, не оглянувшись пристально на покосившиеся, умело перепутанные кем-то веки своей истории и не расставив их по местам. Нас слишком долго приучали к тому, что мы — страна бетонных стен, кумачовых стягов, заводских корпусов, полей и космодромов. Но мы еще страна людей, пусть значительная, но все-таки часть Планеты Человечества.

Изо всех сил, совершая возможное и невозможное, берегли мы революцию, как было завещено Лениным. Были готовы ради этого все преодолеть — и новые лишения, и войны, и социальную нищету. Лопатой и кайлом возводить гидростанции и заводы, деревянной сохой рыхлить землю и с ладони бросать в нее семена: мы — страна неисправимых мечтателей... Но ведь мечта-то наша была благородна, гуманна, высока, беспрецедентна — дать кров бездомным, воспитать беспризорных, накормить голодных...

Олицетворением партии для нас всегда были люди, которые возглавляли ее, и поначалу не было оснований не верить сталинскому окружению. А потом незаметно нас повели совершенно по иному пути. Мы по-прежнему горячо откликались на призывы ехать, строить, осваивать, поднимать, оставаясь для всего мира великим и «загадочным» народом. Для Сталина же — не более чем социальными автоматами, рекрутами огромной казармы, которые чем меньше рассуждают, сравнивают, задумываются над происходящим или, боже упаси, подвергают сомнению,

тем лучше. И незаметно для себя (лозунги-то оставались прежними, куда как революционными, и цвет знамени не изменился!) мы угодили в хитроумно расставленные сети сталинского понимания социалистической государственности, внутри ловко придуманной, прочной иерархической пирамиды при жесточайшей дисциплине и «железном порядке» — в сети кровавой диктатуры.

Лишь немногие заметили п о д м е н у, робко спрашивая друг друга: если вождь действительно велик, то для чего эти огромные, во весь фасад, портреты... Зачем это ежечасное нудное вбивание в легковверные головы доказательства «гениальности» через газеты и журналы, в стихах и песнях, в мраморе и слоновой кости? Нас строили в колонны, и мы шагали по брусчатке, подняв над головой портреты, как иконы, — и исчезали друг за другом вслед, год от года, сотнями, тысячами, миллионами... Нас уже заставили поверить, что враги не только за границей, но и внутри страны — в каждом учреждении, в каждой воинской части, на каждом заводе, в каждом колхозе, на улице, во дворе, в доме... Еще пело радио о высокой пшенице, о необъятных просторах, где «с каждым днем все радостнее жить» и происходило гибельное растление душ и сердец, крушение судеб...

Ничего не проходит бесследно. Осудив на XX партсъезде культ личности Сталина как стиль руководства партией и страной, мы оставили в неприкосновенности взлелеянную и, как ни странно, выгодную чиновникам разного ранга тоталитарную систему, а потом снова воцарилось молчание. Как же больно аукнулось нам оно в семидесятых — феодалом-убийцей Адыловым, преступным байством Кунаева и Рашидова, безмерным стяжательством Щелокова... Как жестоко платим мы за это молчание и по сей день скрытым, но активным сопротивлением курсу партии на перестройку... Но все это наша с вами Отчизна, нам с вами жить бок о бок дальше, думать, работать и помнить о тех, кого нет...

Обращали ли вы внимание на семейные фотографии в деревенской избе, старом доме на окраине, в квартирах стариков? Не знаю, отчего всякий раз жадно вглядываюсь в лица этих людей на снимках под стеклом. Худощавый красноармеец с кубиками в петлицах... Старик с гладко зачесанными назад волосами... Смеющиеся полнощекие подружки на Красной площади. Надпись: «Москва, 1938 г.» ...Чумазые детишки в шароварах и пальтецах на вырост... Сельская свадьба... Лицо старухи... Узкий ленинградский, еще доблокадный двор и горшочки с геранью на каждом подоконнике... Может быть, оттого и волнуюсь, что издавна застряла в сердце боль, жива еще надежда: а вдруг встречу знакомые лица? Но даже если и не так, если иначе, разве не родные мы друг другу люди, раз столько общего, пережитого и незабываемого; разве не переплетены судьбы отцов наших, матерей с судьбой Отечества?.. Молчат, прижавшись друг к другу, фотографии в альбомах. И те, что на стене. И в картонных рамочках на комод. В хоре этого молчания — завещан-

ное нам: помнить о жертвах и палачах, о нестигаемых борцах против тирании и их преследователях. Помнить — чтобы никогда больше...

Род счастья человеческого — думать и жить по совести, но за служение истине не приходилось ли во все времена платить дорогой ценой? Разве судьба подвижников не оборачивалась глубокой драмой, муками или даже гибелью?

Вот он стоит перед ревущей толпой, летят камни... Бросает вызов тирану и восходит на костер... В нищей, растоптанной стране твердит о грядущей свободе своего народа... В тюремной одиночке, обреченный на смерть, пишет книгу...

Он сделал выбор — не гнуть спину перед сильными мира сего, не предавать, не умолкать трусливо ради собственного покоя. Ему труднее дружить, потому что он всегда впереди своего времени.

И все-таки есть высокий смысл оставаться самим собой. Быть избавленным от необходимости лгать учителю, любимой женщине, другу, народу, Отечеству. Хранить верность пострадавшим, а не навязанным идеалам.

НЕ ОТРЕКАЯСЬ ОТ СЕБЯ

«Тот, кто предостерегает от опасностей и указывает на них, не может быть приятен тем, кто, направляясь по противоположному пути, решил уничтожить вместе с собой и других»

(Томас Мор. «Утопия» 1516 год)

* * *

В марте тридцать шестого Валентину Пикину, заведующую отделом Ленинградского обкома комсомола, где работала она еще при С. М. Кирове, делегировали на X съезд ВЛКСМ. А там выбрали секретарем Центрального Комитета комсомола. Переехала в Москву. Стала работать под руководством Александра Косарева среди обновленного состава секретарей — пришли в ЦК Таня Васильева, Женя Файнберг, Павел Горшенин, Дмитрий Лукьянов, Петя Вершков — так она и называет их до сих пор... Пикина занималась студенческой молодежью, возглавляла комиссию по приему и исключениям из комсомола, вела бюджет. К тому же ее выбрали депутатом Верховного Совета СССР и членом комиссии законодательных предположений. Интересной, захватывающей была эта работа.

1937 год. Хроника.

3 марта. Из выступления Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б): «Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их

знать и вовремя выдвигать, чтобы они не переставали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящете».

21 марта. Жданов — на собрании актива ленинградской партийной организации: «Политическая подкованность в борьбе с врагами революции решает все».

21 июля. Сталин вызывает к себе генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косарева, секретарей Валентину Пикину и Павла Горшенина.

...В кабинете уже находился Ежов. И тут же, не спрашивая о делах, Сталин принялся упрекать Косарева, что комсомол не помогает органам НКВД разоблачать врагов. «Ну-ка, расскажите, Николай Иванович, — обратился он к Ежову, — как в комсомоле идет борьба с врагами?» Нарком раскрыл пухлую папку: «На днях в Саратове арестован первый секретарь обкома комсомола Михаил Назаров, участник контрреволюционной организации». И зачитал «показания» Назарова.

Повисла тяжелая пауза. «А вы говорите, что врагов у нас нет!» — произнес Сталин. «Комсомольских работников арестовывает НКВД, — решил ответить Косарев. — Значит, у НКВД есть на них компрометирующие материалы. ЦК комсомола такого рода материалами не располагает». «Я, товарищ Сталин, — сказала Пикина, — хорошо знаю Назарова. Мы выросли вместе, в одной, Василеостровской комсомольской организации Ленинграда. Кроме того, я недавно побывала в командировке в Саратове, присутствовала на пленуме обкома комсомола. Осталось благоприятное впечатление... Что же могло случиться, если Назаров перешел в стан врагов народа?» Ежов, к которому в большей мере был обращен этот вопрос, промолчал.

Напоследок Сталин резюмировал: «Вы не хотите возглавить эту работу».

Оглушенные, подавленные, не в силах расстаться сразу, зашли они в Александровский сад. Косарев курил папиросу за папиросой. «Никак не могу понять, — повторял он Пикиной и Горшенину, удрученно мотая головой, — откуда у нас взялось столько врагов?»

Он искренне недоумевал. Ведь прошло чуть больше года, когда Косарев выступал с большим отчетным докладом на комсомольском съезде. Сталин просматривал текст, не сделал ни одного замечания. А этот подозрительный, исподлобья, какой-то тяжелый взгляд Сталина, когда они покидали кабинет... Косарев искренне верил вождю, каждому его слову, и, казалось, Сталин платил взаимностью. Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ мог в любое время по «вертушке» набрать сталинский телефон и бывать без промедления принят... Эту глубокую веру в вождя не смог поколебать даже неожиданный, как раз накануне съезда, арест родного брата его жены, секретаря Копыльского райкома партии в Белоруссии Павла Нанейшвили, которого обвинили... в организации покушения на Сталина. Когда Косареву передали эту новость, он был в ярости, го-

рячо упрекал жену: «Как твой Павел мог?! Он же враг, он виноват, а ты еще смеешь плакать о нем!»

Теперь, вернувшись после беседы в Кремле домой, Косарев хмуро советовался с женой, Марией Викторовной: «Что делать? Сталин требует людей, он требует г о л о в... Кого я могу назвать? Где враги?»

Тени. Ежов.

Ежов Николай Иванович родился в 1895 году в Ленинграде. Рабочий с 14 лет. Член партии с марта 1917 года. До 1921 года — в Красной Армии: военный комиссар ряда частей. С 1922 года — секретарь Семипалатинского губкома, Казахского крайкома ВКП(б). В 1929—1930 годах — заместитель наркома земледелия. В 1930—1934 годах — заведующий Распредотделом и Отделом кадров ЦК ВКП(б). На XVII съезде партии избран членом ЦК. С 1935 года — секретарь ЦК ВКП(б), председатель КПК, затем — нарком внутренних дел...

Перед XVIII съездом партии, после резкой критики Сталина, кандидатура Ежова не вошла в список голосования по выборам членов Политбюро, он был назначен наркомом водного транспорта. 22 января 1939 г. в «Правде» — последний снимок Ежова (рядом с Берия), в президиуме траурного заседания по случаю 15-й годовщины смерти В. И. Ленина. Вскоре после этого Ежов был арестован.

...Он войдет в кабинет следователя худой, обросший, в выцветшей, видно бывшей в употреблении, замызанной красноармейской гимнастерке без петлиц и ремня. Попросит разрешения закурить. На вопросы будет отвечать вяло, неохотно. Его спросят: «На процессе объединенного правотроцкистского блока прозвучало, что люди Бухарина пытались отравить вас, пропитав шторы кабинета ртутью, растворенной в кислоте...» Ежов ухмыльнется: «Кто работал со мной, знает, что означало даже просто войти в мой кабинет... Про шторы — это я придумал, чтобы лучше выглядеть в глазах Сталина».

Потом Ежов заявит: «Я, между прочим, хорошо знаю, о чем тут допрашивают и как...» Потребует бумагу, карандаш и попросит увести его в камеру, «подумать»...

Ежова казнят 1 апреля 1940 года по приговору Военной Коллегии Верховного суда СССР за необоснованные репрессии против советского народа.

1937 год. Хроника.

20 июля. Прокурор Союза ССР А. Я. Вышинский награжден орденом Ленина «за успешную работу по укреплению революционной законности и органов прокуратуры».

Вышинский: «Сталин подчеркивает, что репрессии — это обязательный элемент принуждения — являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным». «Сталинское учение о социалистическом государстве кладет конец недооценке роли и значения нашего государства, его механизма, его разведки».

21—28 августа. Состоялся IV Пленум ЦК ВЛКСМ. Из резолюции: «Вина Центрального Комитета ВЛКСМ, секретарей ЦК состоит в том, что они прошли мимо указаний партии о повышении большевистской бдительности; проявили нетерпимую политическую беспечность и проглядели особые методы подрывной работы врагов народа в комсомоле через бытовое разложение...»

29 августа. «Правда». Из передовой статьи «Ленинский комсомол — верный помощник партии»: «Оголтелые враги народа Салтанов, Лукьянов, Файнберг, Бубекин, Андреев и другие, пользуясь идиотской болезнью политической слепоты ряда руководящих работников из Бюро ЦК ВЛКСМ, и в первую очередь тов. Косарева, делали свое грязное подлое дело...»

3 октября. Косарев, вернувшись из Донецка и Харькова, после проверки работы комсомольских организаций направляет записку Сталину. Из записки: «Самостраховка выгодна врагам партии, потому что честных людей на основании простых слухов, без разбора, без надлежащей проверки выгоняют из наших рядов, тем самым озлобляют их против нас. Отказ от разбора предъявляемых обвинений, имеющий место в Харькове, выгоден только врагам нашей партии...»

В. Ф. Пикина:

— Все это было началом погрома... Нынешняя молодежь, к счастью, не пережила это время, и ей труднее до конца понять, какого мужества и самообладания требовал этот поступок — письмо Косарева к Сталину. Вместо того, чтоб с перепугу публично каяться, начать стряпать доносы, как некоторые, увы, и делали, Косарев бросил вызов самому «вождю всех народов!» Фактически он подписал себе смертный приговор. Спросите, отчего же Александра Васильевича не арестовали тотчас?

Я много думала над этим. И теперь-то абсолютно уверена, что у Сталина созрел обширный и весьма конкретный план по уничтожению руководства ВЛКСМ и многих комсомольских работников страны. Так называемое «комсомольское дело». И все шло своим чередом. На их репрессии, аресты, казни, похоже, существовала какая-то дьявольская очередь...

Многие были перед сложнейшим выбором. Определила свои позиции инструктор ЦК ВЛКСМ Мишакова... Послали ее мы на Чувашскую областную комсомольскую конференцию, которую она потребовала «отменить». Дескать, рано собрались, не развернули в полную силу работу «по разгрому врагов». Добилась исключения из комсомола секретарей обкома Сымокина и Терентьева. Не помогло даже решение пленума обкома партии — осудить поведение Мишаковой. К нам в ЦК, конечно, посыпались жалобы. И что же предпринимает Косарев? Он собирает Бюро.

1938 год. Хроника.

8 марта. Из постановления Бюро ЦК ВЛКСМ: «Отметить, что... Мишакова допустила грубейшие ошибки, в силу чего люди честные, преданные партии зачислялись в разряд политически сомнительных, а то и пособников врагов народа».

Мишакову решено, оставив в аппарате, перевести с должности инструктора на другую работу.

17 марта. Встреча и прием в Кремле по случаю возвращения участников полярной экспедиции первой советской дрейфующей станции «СП-1» во главе с И. Д. Папаниным.

М. В. Нанейшвили, вдова А. В. Косарева:

— Это был грандиозный прием, и мы с Сашей были приглашены. Сидели за отдельными столами. Тосты провозглашал почему-то Молотов. Те, в честь кого он говорил хвалебные слова, были не только чрезвычайно польщены, но и как бы получали индульгенцию... По заведенному ритуалу после тоста нужно было подойти и чокнуться со Сталиным... Помню, как волновался Семен Михайлович Буденный, когда Молотов заговорил о нем: ведь в те дни ходили по Москве упорные слухи, что Буденный арестован... А потом вдруг — о Косареве! Я была поражена: многие Сашины товарищи, комсомольские работники, уже находились за решеткой... О Косареве Молотов произнес, пожалуй, самую вдохновенную речь: за нашего талантливого, многообещающего!.. Саша тоже подошел к Сталину, они чокнулись, Сталин его обнял и поцеловал. Под аплодисменты Косарев вернулся на свое место... Боже мой, полвека прошло, а у меня будто бы перед глазами его лицо, бледное, взволнованное... Подошел ко мне: «Маша, прошу тебя, поехали домой!»

Вернулись мы к себе, на улицу Серафимовича, 2, «дом на набережной», как назовет его потом Юрий Трифонов, и Саша говорит: «Ты знаешь, что мне Сталин на ухо шепнул? Если изменишь — убью!» Признаться, я тогда не придавала этому значения, пробовала шутить: «Но ведь, Саша, ты же не собираешься изменять? Что ты так разволновался?» Косареву же было не до шуток. «Видишь ли, Маша,— сказал хмуро,— НКВД ничего не стоит превратить генерального секретаря ЦК ВЛКСМ в изменника Родины...» Одной фразой он вернул меня к реальности. Из нашего подъезда чуть ли не ежедневно забирали людей... В одно прекрасное утро вахтер шепнул мне: «Знаете, Мария Викторовна, уж и охранять у нас в подъезде почти некого, всего три семьи осталось...»

За одиннадцать лет нашей совместной жизни у Саши никогда не было стремления рассказывать мне о каких-то закулисных делах в правительстве, посплетничать о верхах... Он был начисто лишен лукавства, как думал — так и действовал. Саша не был приспособленцем. Если произносил в речах здравия Сталину, то от души, поскольку верил ему. Он был совершенно открыт и поэтому неосторожен.

Еще в тридцать шестом как-то вернулся из Кремля на дачу с гостем, М. Багировым. Как водится, мы с моей мамой, Верой Павловной,

накрыли стол. И тут Саша встает и произносит тост: «Пью за настоящее большевистское руководство Закавказья, которого теперь у нас нет!» Мы с мамой обмерли: ведь уже года четыре первым секретарем Закавказского крайкома партии работал Берия... Багиров молча выпил, а месяца через два Берия при случае спросил Косарева: «Саша, что ты имеешь против меня? Неужели я и впрямь плохой руководитель?» В тридцать восьмом это тоже сыграло трагическую роль...

Тени. Багиров.

Багиров Мир Джафар Аббасович, 1896 года рождения, член партии с марта 1917 года. В 1920 году — заместитель предревкома Карабахской области, военком, председатель Военного Трибунала Азербайджанской дивизии. В 1921—1930 годах — председатель Азербайджанских ЧК, ГПУ, нарком внутренних дел. С 1933 года — первый секретарь ЦК КП Азербайджана и Бакинского городского комитета КП(б).

В 1955 году Багиров был осужден и приговорен к расстрелу.

1938 год. Хроника.

7 октября. О. Мишакова написала заявление на имя Сталина с жалобой на Косарева и других членов Бюро ЦК ВЛКСМ. Из выступления Мишаковой на XVIII съезде ВКП(б): «За участие в разоблачении врагов народа в Чувашии косаревская банда организовала дикую травлю против меня...»

29 октября. «Правда». Из передовой статьи «Комсомолу двадцать лет»: «Успехам комсомола радуется весь народ. Однако эти успехи были бы более значительными и всесторонними, если бы ЦК ВЛКСМ не допустил в последнее время ряд серьезных ошибок в деле... очищения комсомола от враждебных элементов».

19—22 ноября. По указанию Сталина состоялся Пленум ЦК ВЛКСМ, на котором присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б).

23 ноября. «Правда». Из официального сообщения: «Пленум заслушал и обсудил доклад т. Шкирятова М. Ф. о результатах разбора заявления т. Мишаковой О. П. и о положении дел в ЦК ВЛКСМ. «Пленум снял тт. Косарева А. В., Богачева С. Я., Пикину В. Ф. с постов секретарей ЦК ВЛКСМ, вывел т. Вершкова П. А. из состава ЦК ВЛКСМ... за бездушно-бюрократическое и враждебное отношение к честным работникам комсомола, пытавшимся вскрыть недостатки в работе ЦК ВЛКСМ и расправу с одним из лучших комсомольских работников (дело т. Мишаковой)».

В. Ф. Пикина:

— Примерно за неделю до этого Пленума меня начали «обрабатывать». Сначала секретарь ЦК партии Андреев. Потом Мишакова: «Советую вам, Валентина Федоровна, отмежеваться от Косарева, иначе и вам будет плохо». Затем пожаловал Михайлов, ответственный редактор «Комсомольской правды»...

На Пленуме Сталин сразу взял под защиту Мишакову. Не помню уж, кто из ораторов, по мнению Сталина, заклеил нас чересчур мягко, сказав, что в работе комсомола «имеется еще много ошибок». Сталин тут же сердито бросил с места: «А может это система, а не ошибки? Слишком уж много ошибок после всего происшедшего. Два года вредительство ликвидируется, а ошибок все еще очень много. Нет ли тут системы?» Стало быть, для запланированной акции по нашему уничтожению просто ошибки «не подходили», не устраивали вождя. Требовалось концептуальное обвинение в последовательном вредительстве!

Я, разумеется, защищала Косарева, решение Бюро нашего ЦК. Жданов назвал мое выступление «оппортунистическим». Краток был Косарев: «Лично я чувствую себя абсолютно спокойно, потому что совесть моя чиста. Никогда я не изменял ни партии, ни советскому народу. Вот это я и должен заявить». Вышли мы с этого Пленума уже снятые с должности.

Ради правды и памяти погибших моих товарищей должна сказать, что вне всякого сомнения в этом погроме под ширмой «демократии» сыграли свою роль Маленков и Шкирятов. Первый дал санкцию Мишаковой на расправу с секретарями Чувашского обкома комсомола. А Матвей Федорович... Еще в начале марта Косарева вызвал к себе председатель ЦКП при ЦК ВКП(б) Шкирятов: «Мишакова написала к нам в ЦКП жалобу. Ставлю вас в известность. Примите меры». Но на Пленуме перепуганный Шкирятов стал говорить о том, что Косарев «совершил крупную политическую ошибку», что мы, Бюро ЦК, «хотели убить в Мишаковой все сталинское, большевистское...»

Тени. Мишакова.

Мишакова Ольга Петровна, 1906 года рождения, член партии с 1937 года. В 1937—1938 годах — инструктор орготдела, а затем — секретарь ЦК ВЛКСМ. До 1956 года — на партийной, хозяйственной работе.

Когда Валентина Федоровна Пикина после полной реабилитации будет работать в Комитете Партийного Контроля при ЦК КПСС, судьба вновь сведет ее с Мишаковой. В ЦКП на нее поступят десятки заявлений, в том числе и коллективных, с требованием исключить Мишакову из партии. В присутствии Пикиной на коллегии ЦКП будет расследовано персональное дело Мишаковой, и на вопрос Н. М. Шверника, каким же образом ей удалось оклеветать столько честных людей, Мишакова ответит: «Я тогда ошибалась, попала в тяжкую колею, искренне верила, что кругом враги». В этот день, 28 июня 1956 года Мишакову исключат из КПСС «за клевету на руководящих комсомольских и партийных работников...»

В. Ф. Пикина:

— 22 ноября, последнее заседание Пленума, чувство горечи, полного опустошения... Как забыть этот день? Вечером я позвонила по внутреннему телефону Косареву, наши кабинеты находились рядом. Ведь там, в зале, к нему никто не подошел, не подал руки... Зашла к нему,

сидели, тихонько разговаривали, не зная, что уже подписаны ордера на наш арест. Косарев сначала бодрился: «Завтра же позвоню Сталину,— утешал меня он,— мы с вами еще будем работать!» Я никогда не видела Косарева плачущим, а тут в глазах у него заблестели слезы: «У меня есть единственная дочка, Леночка. Я клянусь вам своим ребенком, что ни в чем перед партией не виноват...» Больше я Александра Васильевича никогда не видела.

М. В. Нанейшвили:

— Валя Пикина не знала, что в тот же вечер, 22-го, Сашу остановили в служебном помещении охраны ЦК ВЛКСМ и продержали более двух часов, куда-то звоня, что-то выясняя. Потом отпустили. За нашей дачей уже следили, и дальнейшие шесть дней прошли в нервотрепке. Косарева, конечно, волновала его судьба. 28 ноября он позвонил А. А. Андрееву: «Что со мною будет? Когда объявят решение?» «Успокойся, Саша, ты просто перенервничал, устал, будешь работать...» — заверил его Андреев. Возможно, Андрея Андреевича не поставили в курс дела... Это было примерно в десять вечера. Вспомнил Саша про моего репрессированного брата Павла: «Ну, ему-то хоть помогли? Не может же человек столько времени без помощи...» Я призналась: тайком посылала Павлу и деньги, и продукты. Улеглись за полночь. Не спалось. Примерно в два часа ночи за нами пришли. Я уже провожала Сашу, одетого, стоявшего под конвоем, когда в гостиную заметила наркома НКВД. «А ну, ее тоже возьмите!» — крикнул Берия. Тут он дал маху: позже узнала, что ордер на мой арест был выписан на 30 ноября. Везли нас на Лубянку какой-то странной дорогой в разных машинах...

В. Ф. Пикина:

— Всех секретарей ЦК комсомола и водителя Косарева — Е. С. Любимова арестовали в ту же ночь. За мною явилась старший лейтенант Аршатская. На Лубянке, во внутренней тюрьме НКВД, повела на допрос к Берия.

Начался первый допрос, который Валентина Федоровна восстановила по памяти.

Берия: Вы вели себя на Пленуме неправильно, защищали Косарева. А мы располагаем материалами, что он завербован иностранной разведкой в Польше, в зоологическом саду. Сейчас вы должны проанализировать его поведение, дать правильную политическую оценку его нежеланию выполнять решение партии о борьбе с врагами народа в комсомоле... А что вы сделали с Мишаковой? Человек боролся с врагами, а вы сняли ее с работы и навешали ярлыков!

Пикина: Комсомол всегда помогал органам НКВД. Вот совсем недавно по решению ЦК партии мы отобрали 500 самых лучших комсомольцев на курсы для работы в органах...

Берия: Конечно! Кого вы мне дали? Шпионов? Думайте и давайте правдивые показания по Косареву!

Пикина: Косарева я знаю как преданного большевика-ленинца, признанного вожжа молодежи.

Берия: У вас есть родные, сын... Еще раз подумайте.

По какой-то невысказанной и еще не до конца разгаданной программе комсомол хотели бы уничтожить руками молодых. И все-таки многие из тех пятисот парней, направленных ЦК ВЛКСМ в органы НКВД, приходили на прием к Косареву, Пикиной, умоляли: «Заберите нас обратно, не хотим там работать!» Они-то сначала шли в эти органы, свято веря, что им выдали комсомольские путевки и вправду «для ловли иностранных шпионов». Так перешел работать в НКВД Александр Волчок, секретарь Бакинского горкома комсомола, член ЦК, дослужился до солидной должности.

— Его жена, Зина, — рассказывала Валентина Федоровна, — которую я хорошо знала по Ленинграду, однажды сказала при встрече: «Не пойму, что делается с Сашкой! Как-то стирала его гимнастерку, нашла чью-то окровавленную записку... Чем они там занимаются? По всему телу у мужа пошла нервная экзема, ночами бредит...» Волчок был готов уже уволиться, уехать куда угодно. Не успел. Завели дело. Арестовали. Приговорили к расстрелу.

...Где-то за толстыми, непроницаемыми стенами тюрьмы кипела жизнь, пестрели лозунгами стены цехов... Поднятый Александром Косаревым комсомол строил дороги и порты, пробивал тоннели для метро, учился летать и прыгать с парашютом. Рвался на войну в Испанию. Соревновался, спорил и пел. Совершал подвиги. С именем Сталина на устах... Казалось, никто ни в чем не сомневался. Косарев? Пикина? Горшенин? Поделом!.. Оторвать собачьи головы врагам народа! По безбрежным просторам страны прокатилась волна комсомольских собраний, выносились грозные резолюции: комсомолец, помни, враг подстерегает повсюду!.. Учиться сталинско-большевистской принципиальности у товарища Мишаковой!.. Смерть предателям — и точка!

Перед следователями на Лубянке Пикина стояла по тридцать часов на допросах, как-то раз — пятьдесят восемь! Они менялись — она стояла: красивая молодая женщина с густой волной каштановых волос, шпильки-то отняли... «Сознайтесь, что Косарев завербовал вас в контрреволюционную организацию?» Отекали ноги. Показаний не дала никаких. Через месяц перевезли в Лефортовскую тюрьму НКВД. Мрак, молчание, охрана «переговаривается» при помощи сигнальных флажков, как на флоте. Камера-одиночка, наподобие склепа, выкрашена черным, в узкое окошко за решетку едва проникает свет — «ежовский намордник».

На допросах все те же вопросы, а лица новые. Кобулов Богдан Захарович, начальник следственной части НКВД, комиссар госбезопасности! Желтые волчьи глаза. «Мы тут готовим молодежный процесс. Вам нужно выступить и рассказать, как вы, девушка из рабочей семьи, докатились до участия в организации, направленной против партии. Вас Косарев вербовал?» Пикиной временами казалось, что она теряет сознание.

«Поймите, ни у кого бы из вас волос с головы не упал, если б не было прямой санкции Сталина! Мы тут с вами такое можем сделать... А отвечать не будем!» Стойки, побои, психические атаки. 240 дней одиночки. Допрашивали и били следователи Шварцман, Морозов. Наконец, объявили о решении Особого Совещания НКВД: восемь лет лагерей. Это после того, как Военная Коллегия Прокуратуры СССР отказалась судить Пикину из-за отсутствия каких-либо показаний. Так в 1939 году она очутилась в Мордовии, в крупном женском лагере...

Из Постановления Центрального Исполнительного Комитета СССР от 10 июля 1934 года: «8. При Народном комиссаре внутренних дел Союза ССР организовать особое совещание, которому на основании Положения о нем, предоставить право применять в административном порядке высылку, ссылку, заключение в исправительно-трудовых лагерях на срок до 5 лет и высылку за пределы СССР».

В. Ф. Пикина:

— Главной задачей в лагере я считала держаться, не расколаживаться, ведь это действовало на других... По «своим» делам тут находилось человек пять, остальные — жены «врагов народа». Я часто вспоминала Ленина, с какой стойкостью он переносил царские тюрьмы... Нам еще в ЦК комсомола приходилось иногда через КИМ посылать товарищей на нелегальную работу за границу. Думала о них и внушала себе: «Мобилизуйся». Надо было отречься от себя, себя не жалеть.

Решила во что бы то ни стало послать письмо Сталину. Ибо верила: все, что тут творится — какое-то дикое недоразумение. Помогла Анна Яковлевна Розина, она и сейчас жива, в Ленинграде... Аня зашила письмо в туфлю, которую я вместе с другими вещами передала матери при свидании. Охрана проглядела.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР
И. В. СТАЛИНУ

от бывшего депутата Верховного
Совета от Марийской республики
В. Ф. Пикиной.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА *

Считаю своим долгом довести до Вашего сведения о том, что я видела за два с половиной года непосредственно своими глазами при проведении большевистского лозунга борьбы с врагами народа, что дало возможность в основном разгромить вражеские гнезда в нашей стране. Органами НКВД и, в частности, Особым Совещанием допущены ошибки, в результате чего много честных, преданных людей Партии и Родине пострадали от этих ошибок. Враги народа, пробравшиеся в органы

* Хранится в деле № 21523. Печатается с сокращениями. — А. Г.

НКВД, приложили свою руку с целью перебить большевистские кадры и вызвать искусственное недовольство Советской властью... Особое Совещание при вынесении приговоров иногда осуждало совершенно невиновных людей, допуская огульные осуждения, забывая, что за каждым приговором стоит живой человек...

Я прекрасно понимаю, что при больших исторических мероприятиях возможны отдельные перегибы, но вы всегда учили и учите, что человек — это есть самый ценный капитал в нашей стране. Я ни на одну минуту не забываю, что классовая борьба в период строительства коммунистического общества не затухает, а еще с большей силой развивается... Это, однако, не значит, что люди, ставшие в свое время жертвами этих ошибок и перегибов, если они честные, преданные своей Родине и Партии, не должны быть реабилитированы и возвращены к полноценной жизни. Для исправления этих ошибок необходимо ваше личное вмешательство путем дачи указаний органам НКВД и Прокуратуре или путем создания специальной комиссии, которая бы вплотную занялась этим вопросом.

...А за что я арестована и так тяжело наказана, мне неизвестно. В качестве подследственной я прошла суровую проверку... Всего этого было больше, чем достаточно, чтобы заставить человека признаться, если он виновен. Но все эти методы ни к чему не привели, так как признаваться мне было не в чем. Военная Коллегия осудить меня не могла из-за отсутствия материалов, а Особое Совещание осудило на 8 лет лагерей, где я сейчас и отбываю срок наказания.

Мой адрес: Мордовская АССР, поселок Явас, П/Я 241а, Темлаг НКВД.

Пикина В. Ф.

9 мая 1941 года.

Попало ли это письмо к Сталину, пока установить не удалось. Однако поплатиться ей за него пришлось, реакция последовала довольно скоро... Уже на западных границах страны гремела война, когда Верховный Суд Мордовской АССР, аннулировав прежний приговор Особого Совещания, приговорил Пикину к 10 годам лишения свободы с отбыванием срока наказания в штрафном лагере, на лесоповале, с уголовниками...

Многого Валентина Федоровна тогда не знала. Не ведала о том, что уже казнены все секретари ЦК ВЛКСМ, включая и Александра Косарева. Что жену его, Марию Викторовну Нанейшвили, измучив допросами и наспех сфабриковав обвинение, отправили на 10 лет в Норильск, а после второго ареста — в Дудинку, в ссылку. Что Виктора Ивановича Нанейшвили, ее отца, ректора Торговой академии, арестовали той же осенью тридцать восьмого, пытали, продержали целый год в одной камере с умалишенным и расстреляли, не добившись признания «вины» в 1940 году...

Лишь в 1954 году Пикину разыщет прокурор, прилетев из Москвы, скажет ей: «Признаться, мы уже не чаяли застать вас в живых...» Ее полностью реабилитируют, вручат новый партийный билет, сохранив стаж в КПСС. Она будет удостоена ордена Ленина и двух орденов Трудового Красного Знамени. Она еще вернет честные имена десяткам людей, пострадавшим от репрессий. И лишь в 1984 году станет персональным пенсионером союзного значения.

1953 год. Хроника.

11 июля. «Красная Звезда». Из передовой статьи «Несокрушимое единение партии, правительства, советского народа»: «Разоблаченный ныне враг народа Берия различными карьеристскими махинациями втерся в доверие, пробрался к руководству».

Тени. Берия.

Берия Лаврентий Павлович родился в 1899 году в селении Мерхули близ Сухуми. Член партии с марта 1917 года. В 1921—1931 годах — на руководящей работе в органах советской разведки в Азербайджане и Грузии. С ноября 1931 года — первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, а с 1932 — первый секретарь Закавказского крайкома партии. С 1938 года — народный комиссар внутренних дел СССР. 9 июля 1945 года присвоено звание Маршал Советского Союза. Арестован, осужден и расстрелян в 1953 году.

— Мне тоже пришлось вести следствие по делу Берия, — рассказывал (к сожалению, ныне покойный) заслуженный юрист РСФСР, государственный советник юстиции II класса Геннадий Афанасьевич Терехов. — Официальная его биография периода 1917—1920 года, конечно, переврана в прижизненной печати. Берия являлся одним из агентов контрреволюционной буржуазно-националистической организации «Мусават» в Азербайджане, что он тщательно скрывал, а после ее разгрома в апреле 1920 года перекинулся к большевикам. Знал ли об этом Сталин? Во всяком случае, Берии, выдающемуся авантюристу, поначалу казалось, что удалось замести следы. Беспокоило одно — архивы разведки «Мусавата», которые остались где-то в бакинских подвалах...

Поэтому, — продолжал Терехов, когда Берия стал наркомом НКВД СССР и получил практически неограниченную власть, он приказал своему заму, Меркулову, доставить в Москву эти архивы. Что и было сделано. Досье на самого себя, как ни странно, Берия до самого ареста держал в сейфе своего кабинета...

В. Ф. Пикина:

— Когда я уже работала в КПК при ЦК КПСС, меня неожиданно вызвали на очную ставку с моим бывшим следователем, Шварцманом, который вел «комсомольское дело». Этот разговор я записала по памяти и сохранила.

Вопрос: Знаете ли вы эту женщину и когда с нею познакомились?

Ответ: 27 ноября 1938 года меня, Родоса и Аршатскую вызвал к себе Берия, дал указание, что 28 ноября должны быть арестованы бывшие

секретари ЦК ВЛКСМ. Распределил, кто за кем должен ехать. Начиная с 29 ноября я был следователем по делу Пикиной и тогда с ней познакомился.

Вопрос: Применяли ли вы к Пикиной недозволенные методы следствия?

Ответ: Да, применял. Все, что было, все правильно. И я прошу извинения у гражданки Пикиной.

Вопрос: Почему вы через месяц перевели Пикину в Лефортовскую тюрьму?

Ответ: Все это делалось по указанию Берии. И еще потому, что во внутренней тюрьме НКВД, несмотря на длительные стойки, она никаких показаний не давала.

Вопрос: Какие же показания и на кого она дала вам в Лефортово?

Ответ: Никаких показаний Пикина там не дала.

Вопрос: Какими материалами располагало следствие, чтобы арестовать Пикину?

Ответ: Никакими, кроме приказа Берии арестовать Пикину.

Вопрос: Почему же вы путем недозволенных методов пытались выбить у нее показания?

Ответ: Если бы я не делал того, что приказывали Берия и Кобулов, то оказался бы там же, где она.

— Потом, — рассказывает Валентина Федоровна, — я попросила разрешения у следователя задать пару вопросов Шварцману. Он дал согласие. Дело в том, что даже в 50-е годы ходили противоречивые слухи о судьбе Косарева. Например, утверждали, что он жив...

Вопрос: Правда ли, что Косарев жив, отбывает наказание в лагере и работает при этом в бане?

Ответ: Нет, это неправда. Косарев расстрелян 23 февраля 1939 года.

Вопрос: Какая последняя просьба была у Косарева, когда он находился в камере смертников?

Ответ: Косарев вызвал меня, попросил бумагу и карандаш. Я ему дал. Он написал заявление на имя Сталина, где сообщал, что он ни в чем не виноват, просил создать комиссию в ЦК партии, чтобы пересмотреть дела, сфабрикованные против комсомольских работников. Это заявление Косарева я отдал Берии. Ознакомившись с заявлением, Берия стал на меня кричать: «Что он с ума сошел, чтобы я об этом доложил Сталину?!» В порыве гнева он разорвал заявление Косарева в клочки, бросил в корзину, сказав: «Вот ему ответ!»

Присутствовала Валентина Федоровна и на суде как свидетель. Шварцман признал себя виновным, вновь со слезами просил прощения у Пикиной «за все, что пришлось ей пережить».

* * *

...Канули тени мучителей, доносчиков и палачей. Хочется поскорее захлопнуть вслед могильные плиты, развеять прах, но так, чтоб не попал на подходящую почву: неровен час, полезут новые всходы... Как надеялись они, как грозили, будучи при власти, что жертвы их останутся в нашей памяти лишь как «враги партии и народа» ... «Пройдет время, — патетически восклицал Вышинский, произнося речь на суде по делу «анти-советского правотроцкистского блока» в марте 1938 года, — могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа».

История распорядилась по-другому. И более того: не зная ничего о судьбе друг друга, секретари ЦК ВЛКСМ 1937—1938 годов не дали никаких показаний — ни на себя, ни на других. Ни в чем не признались, не признались. Большинство из них погибло... Но жертвы не были напрасны. Выполняя большевистский, гражданский долг, они своим подвигом сберегли, быть может, тысячи жизней парней и девушек. Берия проиграл. «Молодежный процесс» был сорван!

* * *

...Похоже, что уже не по причине боязни Сталина или страха перед тем, что, как выразился один читатель «Огонька», «перевернется арба» и восстановится прежний порядок, Центральный Комитет комсомола даже во времена Н. С. Хрущева, не говоря уже о «периоде застоя», долгие годы с досадой отмахивался от организации вечеров памяти Александра Косарева. Но они все-таки проходили в переполненных залах — под напором энергичной настойчивости Марии Викторовны Нанейшвили и Елены Александровны Косаревой.

Комсомол в этом году готовится отметить свое 70-летие. Александру Косареву, который старше комсомола на 15 лет, 14 ноября 1988 года исполнилось бы 85... При жизни действовал молодежный аэроклуб в Тушино, застава на советско-польской границе — имени Косарева. Никто до сих пор не знает, где захоронены его останки... Когда же мы снова научимся смотреть друг другу в глаза?

Валентина Федоровна Пикина в тонкой ученической тетрадке ведет печальный список. Еще совсем недавно их, комсомольских секретарей 1937—1938 годов, оставалось четверо. В декабре восемьдесят седьмого проводили на Преображенское кладбище Владимира Александровича Александрова. В тридцать седьмом он сменил впоследствии казенного секретаря ЦК ВЛКСМ Серафима Богачева, возглавив Московский обком

комсомола. До 1 декабря 1938-го, когда и его арестовали... Год спустя умер бывший секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ Алексей Павлович Савельев. Теперь их осталось двое: бывший заведующий отделом крестьянской молодежи того же обкома Александр Карлович Тамми и она сама, Пикина...

Формально ли, неформально объединенные, вспомните о них! В те страшные годы они были вашими сверстниками. Запомните их живыми.

ВЕЧНЫЙ ИСК

Выпали нам на излете века перемены и надежды, круглые даты и неоднозначные воспоминания... Чем дальше от нас события недавнего прошлого, почти не изученного, порой малодоступного, тем пристальнее вглядываемся в него, волнуемся, листая газетные подшивки.

К сожалению, больше вопросов на хрупких страницах, а ответы пока еще пылятся под запретом в архивах. И с каждым годом остается все меньше тех, чья судьба была тесно связана со сталинской эпохой. Собирая свидетельства живых, внимая их голосам, мы помогаем друг другу высветить собственную историю, замешанную на неслыханном народном энтузиазме и гипнотической вере в вождя, на подвигах и трусости, на гордости, высоком достоинстве и бесчестии.

Один из таких хранителей правды об ушедшем времени был Геннадий Афанасьевич Терехов, коммунист почти с полувековым стажем, старейший работник органов прокуратуры, заслуженный юрист РСФСР, государственный советник юстиции второго класса.

* * *

Первое возвращение

Жил Терехов в небольшой квартирке у метро «Сокольники» с женой Юлией Мефодиевной, в окружении множества книг. После выступления в «Новом мире», где Терехов рассказал о невинности поэта Николая Гумилева и публикации очерка «Не отрекаясь от себя» («Огонек» № 7, 1988 г.) телефон Геннадия Афанасьевича не умолкал...

Геннадию Афанасьевичу довелось с 1926 года работать в органах прокуратуры. Он был главным прокурором железнодорожного транспорта СССР, выполнял задания Главной Военной Прокуратуры Красной Армии в блокадном Ленинграде. Он участвовал в следствии по делу

бывшего министра МГБ СССР Абакумова, а после смерти Сталина — в расследовании преступлений Берии и его сообщников. В самые тяжелые времена Терехову удалось сохранить безупречную репутацию честного человека: рискуя собой, закрыть в порядке прокурорского надзора десятки дел по необоснованным обвинениям советских людей, а при Н. С. Хрущеве заниматься реабилитацией тех, кто невинно пострадал из-за репрессий.

Еще висели по кабинетам портреты генералиссимуса и тяжеленные статуи его не обхватили тросами и не сдернули с постаментов, когда на станции нашего небольшого городка из пассажирских поездов уже деловито выбегали на платформу за кипяточком коротко стриженные, в черных ватниках люди, вдыхали полной грудью февральский воздух, толкались, суетились и спешили обратно в вагоны, наполнив чайники и жестяные кружки... Значит, это и было началом реабилитации?

— Да,— говорил Терехов,— только тогда, в 1954-м, уже второй по счету. Все почему-то забывают о первом возвращении из лагерей, после ареста Ежова. Разумеется, это нельзя сравнивать по масштабам с началом пятидесятых. Но думаю, что тогда, полвека назад, и Сталин понял, что органы госбезопасности переусердствовали. Даже при его авторитете и всемерном обожевании трудно было объяснить повальные, массовые аресты людей... И он сделал так, как уже поступал: распорядился уничтожить Ежова, с которым еще недавно фотографировался в обнимку.

Уже в конце тридцать восьмого так называемые «тройки», куда входили, скажем, на уровне области первый секретарь обкома партии, начальник органов госбезопасности и прокурор, были ликвидированы. Они просуществовали чуть больше года. «Тройка» имела право приговорить к расстрелу любого. Так впервые было объявлено о пересмотре дел политических заключенных. Одновременно завели дела на сотни полторы следователей из «железной гвардии» Ежова. Военная Коллегия Верховного суда СССР приговорила их к расстрелу.

В тридцать девятом люди были вдохновились начавшейся реабилитацией, поверили в нее. В Прокуратуру Союза СССР посыпались письма.

— Я их видел, читал, эти жалобы жен, матерей, сестер «врагов народа». Таких посланий накопились тонны в подвалах Прокуратуры,— вспоминал Терехов.— Письма произвели на меня потрясающее впечатление величием советских женщин, просто душу выворачивали, их невозможно читать без слез... Что там публицистика перед этими человеческими документами! Если какая-то часть писем сохранилась в архивах, можно было бы издать их отдельной книгой. Там вся боль, вся гордость, все самое лучшее, что есть в советском гражданине и патриоте...

Так вспыхнул ненадолго и погас огонек надежды: механизм справедливости оказался не в состоянии противостоять мощному воздействию

нравов сталинского культа на сознание людей. А вера в непогрешимость «вождя и учителя» была столь велика, что с именем его шли по этапу в лагеря, писали оттуда письма. Как уже знакомая читателю «Огонька» В. Ф. Пикина, секретарь ЦК ВЛКСМ, арестованная в 1938 году.

— Я хорошо знаком с Валентиной Федоровной, — сказал Терехов. — В середине пятидесятых мы вместе с ней работали по реабилитации, ездили в командировки, вспоминали минувшее. Я еще тогда говорил ей: «Если бы вы написали Сталину не в сорок первом, а в тридцать восьмом, не сносить бы вам головы». Это правда. Ведь как было? Молчит жена арестованного — ее, как правило, не трогают. А начинает обивать пороги, жаловаться — высылают куда-нибудь за Урал... Перед войной обстановка несколько переменялась, это и спасло Пикину от верной гибели, тем более что она уже находилась в лагере. Хотя дали новый срок!

«Великий машинист»

Почему именно сейчас, в 80-е годы, мы так часто вспоминаем сталинское время. Не потому ли, что многолетнее замалчивание проблем, считавшихся «решенными», все еще отзывается эхом и сегодня? Руководство нашей партии взяло на себя мужество говорить сегодня об этом во весь голос, и вот оно, это эхо, перед нами — нестихающая боль Черныбыля, трагедия у Новороссийска, события в Алма-Ате и Нагорном Карабахе. Мы все еще расправляемся за многолетнее молчание и вранье.

Да, сегодня мы учимся говорить вслух. И что же слышим порой? Вот именитый писатель, выступая на пленуме правления СП СССР, справедливо замечает, что искривления в национальной политике появились именно в 30-е годы. «По чьей же вине? — хочется спросить. — Наверное, в первую голову тогдашнего руководителя страны и его окружения?» Оказывается, нет. «Я вовсе не хочу сейчас бросить еще один камень в адрес Иосифа Виссарионовича, — как бы извиняется перед коллегами писатель, — ибо мы уже славно преуспели в сваливании наших вчерашних или нынешних грехов на Сталина...» Виноват во всем, оказывается, «бюрократический подход», будто бы он, подход этот, может существовать в пространстве и времени сам по себе, без конкретных его вдохновителей и носителей.

Готовясь к очередной встрече с Тереховым, раскрыл толстую книгу «Стенографический отчет XIV съезда ВКП(б)». «...Я неоднократно говорил это тов. Сталину лично, — сказал в своей речи на этом съезде Л. Б. Каменев, — именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба. (Голоса с мест: «Неверно! Чепуха!» «Вот оно в чем дело!» «Раскрыли карты!») Шум. Аплодисменты ленинградской делегации. Крики: «Мы не дадим вам командных высот!» «Сталина! Сталина!» Бурные

аплодисменты. Крики: «Вот где объединилась партия!», «Большевистский штаб должен объединиться!») И — сам Сталин, в заключительном слове: «Единство у нас должно быть, и оно будет, если партия, если съезд проявит характер и не поддастся запугиванию. (Голоса: «Не поддадимся, тут народ стреляный!») Если кто-либо из нас будет зарываться, нас будут призывать к порядку — это необходимо, это нужно. Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича, (Аплодисменты), глупо об этом говорить». Это было в декабре 1925 года. Пройдет чуть больше десяти лет, и Сталин забудет о своих заверениях, стенограмму съезда изымут из библиотек. А борьба за единство партии, начиная с чисток, примет маниакальный характер и выльется затем в неслыханный по масштабам террор, главный удар которого будет направлен против большевиков ленинской школы.

Беспощадная машина репрессий заставит одних сделать суровый выбор и предпочесть смерть измене убеждениям, других — замолчать надолго, третьих — послушно восхвалять Сталина, четвертых — прямо или косвенно участвовать в беззакониях. В 1936 году после процесса «троцкистско-зиновьевского террористического центра» М. П. Томский, узнав, что его старые товарищи «дали» показания о причастности его самого, Бухарина, Рыкова и многих других к совершенным «преступлениям», покончит жизнь самоубийством... Вместо уничтоженных большевиков в сталинском окружении возникнут такие одиозные фигуры, как Ягода, Ежов, Берия, Абакумов, но только самому изворотливому из них, Берии, удастся пережить Сталина.

Уже тогда, на Четырнадцатом партийном съезде, пока еще в сравнительно демократичной обстановке прений, раздался голос тех, кто вольно или невольно помогал Сталину идти к абсолютной власти, создавать такую систему государственного управления, при которой доминировали сверхцентрализация, казарменное подчинение, нагнетание страха на людей раздутым аппаратом подавления. Вот что сказал М. Ф. Шкирятов в прениях по докладу ЦК: «Товарищи, есть доносы и доносы... Если член партии замечает, что отдельные члены партии хотят создать какие-нибудь идейные группировки, — ...это не донос, это обязанность каждого члена партии. (Голос: «Правильно!»). И доносы-таки стали впоследствии неотъемлемой чертой тоталитарного режима...».

Через тринадцать лет после расстрела Ежова Сталин уже испытанным способом разделался с Абакумовым, министром МГБ СССР. Это случилось летом 1951 года.

Пожалуй, никто, считает Геннадий Афанасьевич, кроме Берии, а позже Шкирятова, не был так близок к Сталину. Абакумов часто общался с вождем наедине, бывал у него на даче. Терехов, который участвовал в следственной группе Прокуратуры СССР по делу Абакумова, допрашивал бывшего министра в тюрьме. От него узнал, что Сталин, особенно в последние годы жизни, с большим подозрением относился к любым контактам людей из своего окружения вне официальных встреч.

И чем ближе был человек к верхам, тем больше сомневался Сталин. Даже самому Абакумову было запрещено кого бы то ни было приглашать в гости. Генералиссимусу все время казалось, что, пока он сидит у себя, на ближней даче в Кунцево, где-то на другой даче собралась оппозиция.

— К примеру, известно, — говорит Терехов, — что в те годы Сталин вдруг распорядился не приглашать на заседания Политбюро Ворошилова. Почему? Ясность для меня внес допрос Абакумова, с которым вождь делился сомнениями, оказывается, он полагал, что Клемент Ефремович — английский шпион...

Нервозность, неровность, неуверенность в стиле работы кадров во многом исходила от самого Сталина.

— Когда меня выдвинули на повышение, — продолжал Терехов, — собеседование проводил секретарь ЦК партии Алексей Александрович Кузнецов. Спустя время, когда я снова пришел в ЦК оформляться, сказали: «Вы, Геннадий Афанасьевич, никому не говорите, что были знакомы с Кузнецовым. Он арестован». Я просто опешил: «Мы с ним по ресторанам не ходили, даже чаи не гоняли. Кузнецов беседовал со мною как секретарь ЦК, а не как арестованный». «Смотрите, — наше дело предупредить». Как тут ослушаешься? Тяжел был на руку Сталин.

В статье «Великий машинист локомотива истории» Л. Каганович следующим образом прославлял вождя: «В своей атаке на локомотив истории эти предатели (имелись в виду жертвы недавно отгремевшего бухаринского процесса. — А. Г.) все свои отравленные стрелы направляли прежде всего на машиниста локомотива. Но машинист локомотива товарищ Сталин тем и отличается, что чем яростнее атака врагов, тем сокрушительнее отпор». Мало кому удалось тогда дать более точное определение 60-летнему Сталину, хотя понятно, конечно, что Лазарь Моисеевич имел самые благие, вполне юбилейные намерения: несущийся на всех парах локомотив было трудно, а то и просто невозможно остановить.

Вечные сомнения, подозрительность заставляли «машиниста» постоянно быть начеку, думать об этом. Он сам себя изнурял раздумьями, особенно на склоне лет. И когда, как говорится, чаша переполнялась, затевал очередную расправу.

Берия и Багиров

— Берия? — Терехов качает головой. — Да, это был враг. Но какой! Умный, изворотливый, коварный. Умеющий тонко и терпеливо плести интригу, выжидать в засаде, льстить, если надо, а потом наносить удар сокрушительной силы.

Еще в конце двадцатых — начале тридцатых годов Берия работал начальником Грузинского ГПУ. Закавказское управление возглавлял С. Реденс, который был женат на сестре жены И. В. Сталина Анне Сергеевне Аллилуевой и поэтому пользовался большим влиянием. Тем не менее Берия, подчиненный Реденса, сумел скомпрометировать начальника старым, как мир, способом: познакомил со своей сотрудницей,

та назначила свидание... Тут его и схватили сотрудники госбезопасности, и Берия вскоре занял пост Реденса.

Спустя двадцать лет, в 1950 году, когда Сталину надоели жалобы на тогдашнего первого секретаря ЦК КП Азербайджана Багирова, в Баку для проверки фактов направили комиссию. Возглавлял ее заместитель министра Госконтроля СССР Емельянов. Багирову, струсившему не на шутку, ничего не оставалось делать, как позвонить своему другу Берии. И «операция» стала осуществляться по испытанному пути.

Москвичей разместили в шикарных номерах «Интуриста», познакомили с девицами, устраивали ежедневный кутеж. Наконец, удалось сфотографировать Емельянова и с девицами, и даже на одной скамейке с сотрудником Иранского консульства... Материалы предназначались Берии для показа Сталину. Проблема была решена: Багиров отделался легким испугом.

— Однако через четыре года, — рассказывал Терехов, — уже мне довелось стать руководителем бригады Прокуратуры СССР, расследовать преступления этого палача азербайджанского народа. Тут ему уже не удалось уйти от ответа...

На судебном процессе Терехов вместе с помощником Генерального прокурора СССР, государственным советником юстиции III класса Львом Николаевичем Смирновым помогал разобраться в «деяниях» Багирова. Этот «стукач по убеждению», умный, ловкий, но крайне суеверный — больше всего на свете опасался черных котов, перебегающих дорогу перед его автомашиной! — вмешивался во все дела госбезопасности и по личной инициативе отправил на гибель множество честных людей. Багирова приговорили к расстрелу.

ЧП у берегов Крыма

Иногда Берии удавалось успешно повернуть ту или иную авантюру, иногда нет... Вот иллюстрация к тому, как Берия малость не подрастал.

В 1948 году произошел пожар на борту теплохода «Победа».

«Победа» загорелась недалеко от крымских берегов при возвращении в Одессу. Несколько десятков человек погибло во время пожара, многие скончались от ожогов в больнице. В числе погибших оказался китайский полководец Фын Юйсянь, которого Мао Цзэдун пригласил из американской эмиграции в Китай, намереваясь доверить ему командование вооруженными силами. Дело приняло политическую окраску, назревал скандал. Этим не замедлил воспользоваться Берия.

Обстоятельства гибели «Победы» расследовала государственная комиссия. Причины пожара выяснились быстро: кинемеханик перематывал в аппаратной пленку для показа фильма, неосторожно закурил, и пленка вспыхнула, как порох. Матрос получил сильные ожоги, но, придя в сознание через четыре часа, перед кончиной, успел объяснить, отчего загорелось судно. Комиссия составила акт, записку и вернулась в Москву. Однако Берии эти выводы не удовлетворили. Он позвонил

Сталину: так, мол, и так, не разобрались, врут, по моим данным, теплоход подожгла американская разведка, чтобы уничтожить Фынью Юсяня и осложнить отношения между СССР и Китаем...

Терехова вызвал к себе Генеральный прокурор СССР Григорий Николаевич Сафонов (он работал на этом посту с 1948 по 1953 год. — А. Г.), приказал провести вторичное расследование. Вместе с работниками прокуратуры в Одессу, куда буксировали обгоревшее судно, вылетели и сотрудники МГБ во главе с одним генералом... Провели следственный эксперимент: вытащили «Победу» в открытое море, имитировали пожар, включили хронометр. Все сошлось, выводы предыдущей комиссии подтвердились.

В Москве после доклада Терехова Сафонов сказал ему: «Я твою записку подписывать не буду!» Со своей стороны глава МГБ Абакумов тоже отказался от подписи на рапорте генерала.

— Уже по профессиональным навыкам я почувствовал, какая опасность надо мною нависла, — вспоминал Г. А. Терехов. — Шли дни, никаких поручений не давали, занимался обычной текушкой. Стал уже даже готовиться к аресту...

В это время, как позже выяснилось, Сафонов с Абакумовым после долгих препирательств по поводу того, кому из них идти на доклад к Сталину, решили наконец, что пойдет Абакумов. Даже министру МГБ сделать это было нелегко: Сталин часто хандрил и капризничал. Однако вскоре удалось застать вождя в хорошем расположении духа, и, как ни странно, все обошлось. «Просто посмеялись мы вместе с Иосифом Виссарионовичем над Лаврентием да разошлись», — объяснил Терехову на допросе Абакумов.

Как украли министра

Как-то Геннадий Афанасьевич заметил: «Между прочим, Шварцман, тот самый, который мучил во внутренней тюрьме НКВД Валентину Пикину и Александра Косарева, издевался над ними, тоже был моим подследственным...»

«Комсомольским делом» Шварцман занимался в тридцать восьмом году, а к концу сороковых дослужился до большой должности — заместителя начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР, полковника госбезопасности. Правда, в последние годы перед арестом ему что-то «не везло».

...10 апреля 1948 года министр морского флота СССР Александр Александрович Афанасьев проснулся в прекрасном расположении духа — у него был день рождения. Его, старого большевика, участника революции и гражданской войны, прошедшего путь от матроса до министра флота, готовились поздравлять товарищи. «Сначала поеду к полярникам, в Главсевморпути, — сказал жене Афанасьев, — а потом в министерство». И вызвал машину.

На полпути «ЗИС-101» остановился; шофер, качая головой, осмотрел проколотые в нескольких местах покрышки. В тот же момент подрулил «бьюик», из него вышли какие-то люди: «Александр Александрович?.. Давайте, мы вас подвезем!» Не успел Афанасьев сказать «спасибо», как его скрутили, бросили в машину, накинули на голову мешок. Везли по Москве долго. Потом, завязав глаза, привели в какой-то особняк. «Вы среди представителей американской разведки, — заявили ошарашенному Афанасьеву, показав «документы». — Предлагаем вам сотрудничество». «Я с вами говорить не буду, — ответил Афанасьев, — ничего вы от меня не получите». «Мы и не рассчитывали на другой ответ, — сказал министру солидный незнакомец. — Подумайте». И назначили встречу возле Парка культуры со стороны Крымского моста. Затем ему снова завязали глаза, повезли куда-то и высадили в районе здания Моссовета.

Афанасьев пешком отправился в Кремль с намерением доложить о своем приключении Сталину. Вождь был занят, и Александр Александрович отправился к Берии. Там уже сидел Абакумов. «Ты, товарищ Афанасьев, молодец! — одобрил министра Берия, выслушав его рассказ. — Теперь помоги нам поймать этих шпионов». Затем он вызвал двух офицеров и сказал им: «Поручаю вам охранять Афанасьева. Ни на шаг от него!» С этого момента возле пятого подъезда дома № 2 по ул. Серафимовича круглосуточно дежурил милиционер, за министром повсюду следовала охрана.

Детектив по сценарию Абакумова продолжался. В назначенное время возле входа в парк Афанасьев увидел того самого «солидного незнакомца» из особняка. Сняв шляпу, он направился навстречу министру. Тут Александр Александрович охватила злость. Вместо приветствия Афанасьев мощным прямым ударом сбил с ног незнакомца, глаз которого затек большим синяком. Тут же подскочили работники МГБ и увели «шпиона»...

Лишь спустя годы Александр Александрович узнал, что незнакомцем оказался не кто иной, как полковник Шварцман. Операция с треском провалилась. Абакумов упрекал Афанасьева: «Ты нас повел по ложному пути. Никакой это не шпион, обыкновенный инженер...» А для пущей убедительности показал министру другого избитого, окровавленного, в разорванной рубашке человека: «Вот настоящий шпион!» Берия добавил: «Мы тебя, Афанасьев, все-таки представим к ордену за бдительность!»

Перед майскими праздниками его арестовали в кабинете Абакумова. Следствие вел полковник МГБ Комаров — 120 допросов. Ни в чем не признался Афанасьев, никаких «показаний» не дал. Его перевели в Лефортовскую тюрьму, в одиночку, где он потерял счет дням. Лепил из хлебного мякиша шахматные фигурки и играл сам с собой. Дважды побывал в карцере — подвале, обложенном снаружи льдом, — раздетый до исподнего, спал на грязной охапке соломы...

Однажды, когда ему показалось, что жизнь потеряла смысл, стал

украдкой точить об камень ручку ложки. Когда оружие было почти готово, ложку нашли и... поместили ее в музей МГБ. В лагере под Кемерово, куда Афанасьева отправили по этапу, он узнал, что приговорен к 20 годам лишения свободы...

Полностью реабилитированный, ставший впоследствии заместителем министра морского флота страны, кавалер трех орденов Ленина, орденов Трудового Красного Знамени, Красной Звезды (а позже удостоенный и других правительственных наград), Афанасьев выступал на процессе по делу Абакумова. Сейчас он живет в Москве. В 1988 году ему исполнилось 85 лет.

Падение «черного полковника»

— Арест Шварцмана был поручен мне и следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Константину Каверину, — говорит Терехов. — Вызвали мы с Костей этого мучителя в Прокуратуру Союза, предложили ему сдать оружие и документы. Шварцман сразу же все понял, порылся в карманах, отдал нам свой пистолет и портмоне. Никакого сопротивления не оказал. Правда, он не знал, что мы-то без оружия. Старались держаться поближе к нему на всякий случай. А потом отвезли в тюрьму.

Происходило все это еще при жизни Сталина, при Берии, и допрашивали Шварцмана и другие следователи. На первых же допросах он принялся оговаривать кого только можно...

Вокруг Шварцмана, «черного полковника», происходила какая-то игра. Ни Терехов, ни Каверин не знали тогда, что протоколы допросов направляют Сталину, что по последним доносам Шварцмана еще некоторые люди окажутся за решеткой.

— Я окончательно убедился, — говорит Геннадий Афанасьевич, — что Сталин может наложить резолюцию, влекущую за собой годы лагерей или смерть безо всяких на то оснований. Отправить людей за решетку, опираясь при этом только лишь на вымысел арестованного?

После того «спокойного ареста» Шварцмана я говорил Каверину: «Смотри-ка, какой солидный мужчина, с ним-то у нас проблем не будет». Но, видно, поторопился с оценкой. Через пару недель во время допроса, когда я даже не вышел, а просто выглянул за двери кабинета, Шварцман с разбегу ударился головой о батарею отопления. Что он хотел этим продемонстрировать?.. Может быть, полагал, что я стану изменять к нему те же «недозволенные методы», при помощи которых он мучил сотни своих жертв? Или вспомнил, как избивал ни в чем не повинных людей, выжимая из них «показания», заставлял часами стоять при полусогнутых коленях?..

Неудавшийся переворот

Напомнил Геннадию Афанасьевичу о статье «Хрущев» в «Литгазете», и Терехов сказал: «На мой взгляд, это наиболее объективное и достоверное свидетельство о Никите Сергеевиче как о политике...» Но за

хотелось спросить еще вот о чем. Хрущев при Сталине был членом Политбюро. Что же побудило его заняться разоблачением культа личности Сталина? Ведь тень вины за последствия этого культа могла пасть и на него самого?

— Не следует горячиться с выводами об инициативе, — поправил Геннадий Афанасьевич. — Думается, не менее важную роль здесь сыграл Николай Александрович Булганин. Нельзя забывать также вот о чем. Сталин умер, а Берия все еще разгуливал на свободе, когда его делом уже занялись. Правительственный кризис назрел в конце июня. Именно тогда Берия почувствовал, что наступил подходящий момент для захвата власти.

Было решено действовать.

Прежде всего позвонили в особняк Берии на Вспольном переулке и вызвали в ЦК партии якобы для беседы полковников Саркисова и Надорая — начальников личной охраны. Тут же их место заняли офицеры, подчиненные Булганину, из Московского гарнизона... Эти данные — не предположения, они основаны на материалах допросов. Арестованных Саркисова и Надорая увезли в Бутырскую тюрьму. А Берия — в штаб Московского военного округа. Там он сидел в полной изоляции, под усиленной охраной в ожидании суда.

...Итак, Берия арестовали. Что же произошло с ним дальше? Уже после публикации «Вечного иска» в «Огоньке» неожиданно позвонил в редакцию еще один свидетель тех дней — ныне полковник запаса, а в 1953 году начальник гауптвахты Управления Коменданта г. Москвы подполковник Сергей Петрович Гаврилов.

Гаврилов воевал на Финском фронте в составе 22-го отдельного легкого лыжного батальона, потом прошагал дорогами Великой Отечественной войны, был несколько раз ранен, удостоен многих правительственных наград. В тревожные июньские дни пятьдесят третьего он продолжал служить и заочно учился в Академии имени Фрунзе. Сергей Петрович вспоминает:

— 26 июня вечером меня из Академии срочно вызвали на службу. В Управлении Коменданта сказали: «Звонили из Министерства обороны. Срочно поезжай на гарнизонную гауптвахту». (Я ее курировал.) Около 23 часов поступила команда: снять солдатский караул и поставить на посты офицеров. Я выполнил приказ, но в душе нарастала тревога: что бы это все могло значить? Вскоре раздался сигнал, я открываю ворота гауптвахты и с удивлением вижу: в лучах прожектора замелькали генеральские и маршальские погоны... Отдал рапорт Н. А. Булганину.

«Покажите-ка свое хозяйство! — попросил Николай Александрович. — Меня интересуют одиночные камеры строгого режима». Я показал Булганину все четыре одиночки, которые были на первом этаже, и маршал выбрал камеру № 3. «Уберите отсюда батарею отопления, — приказал маршал. — Окутайте окошко колючей проволокой, понадежней. Когда выполните — доложите». Я вызвал мастеров, и они не-

медленно приступили к работе. Булганин и офицеры высшего командного состава уехали.

Где-то в половине второго ночи у ворот гауптвахты остановились три правительственные автомашины. Из них вышла группа генералов, образовав кольцо. Внутри кольца, куда были направлены стволы пистолетов, шел невысокий толстый человек. «Кто же это?» — думал я. Конечно, будь Берия при пенсне, шляпе и галстуке, я бы сразу узнал его: еще в марте, после смерти Сталина, у нас в караульном помещении вывесили портреты нового состава Политбюро... Зато других я узнал довольно быстро. Арестованный шел под конвоем генерал-полковника Москаленко, генерала Шипилова, генерала Баксова, генерал-лейтенанта Батицкого и адъютанта Москаленко — подполковника Юферева.

Из кольца вышел Шипилов и подошел ко мне: «Все готово?» «Так точно, — доложил я, — в камере стоит дерматиновая кушетка, матрас, простыни, подушка...» «Убрать все немедленно! Оставить только кушетку!» Наконец арестованного водворили в камеру № 3, и я отдал ключи Батицкому...

Надо сказать, что в это время войск в столице почти не было. В Калининне проходили командно-штабные учения. Зато в Москве располагались части войск, подчиненные Берии. Это было очень опасно, и не случайно, как я позже узнал, Берия после ареста пытался связаться с ними по телефону. Но уже исполняющий обязанности начальника штаба Московского военного округа генерал Калинин приказал, чтобы Кантемировская танковая дивизия покинула лагерь. Узнал я потом, как кантемировцам попытались преградить путь регулировщики, но из этой затеи ничего не вышло... Прошло всего полчаса, как Берия сидел в своей камере, а на территорию гауптвахты начали входить войска: застыли во дворе бронетранспортеры, расчихлив зенитные пулеметы, прибыли танки и несколько артиллерийских орудий...

Утром 27 июня по приказу Батицкого мыпустили всех арестованных — их было 250 человек.

Примерно в 11 часов утра Батицкий мне сказал, не скрывая злой иронии: «Надо покормить гостя. Что у вас на завтрак?» «Идет судак отварной с картофельным пюре, чай...» — доложил я. Начальник санслужбы округа подполковник Хлобыстин на всякий случай вынул из рыбы все косточки, и мы отправились «подавать завтрак» арестованному. «Спасибо, не хочу, — сказал Берия с сильным грузинским акцентом. — Захочу — попрошу. — Он держался высокомерно. — У меня другая просьба. Я страдаю болезнью почек. Дайте мне одеяло. И бумагу. Хочу писать». Занялся Берия «творчеством»: весь день что-то писал и даже рисовал... Два офицера неотлучно находились возле дверей камеры № 3, и двое несли службу у окошка во дворе.

Дня через три к Берии приехал его заместитель Серов: «Мне нужно

срочно переговорить с Лаврентием Павловичем!» Я доложил об этом Москаленко. Серова привели в мой кабинет, который генералы временно превратили в свой штаб, оттуда Серов позвонил по телефону Н. С. Хрущеву. Не знаю, о чем они говорили, но Серов быстро сел в машину и уехал ни с чем... Приходил и один старший лейтенант в форме войск МВД, я его узнал — это был офицер из пожарного надзора. Батицкий выставил его с территории гауптвахты, применив крепкие русские слова... Ходили по Москве-реке прогулочные катера, какие-то люди на палубе разглядывали в бинокль наш объект; были приняты соответствующие меры, и катера исчезли... Мы с минуты на минуту все эти дни ждали нападения, но его, к счастью, не было, обошлось без кровопролития.

Примерно через неделю, глубокой ночью Берия перевезли в специально подготовленное помещение — в бомбоубежище штаба Московского военного округа.

Там он сидел в полной изоляции, под усиленной охраной в ожидании суда.

Возмездие

Берия допрашивал Петр Константинович Цареградский, следовательно по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, государственный советник юстиции III класса. Его, к сожалению, уже нет в живых... Сначала на допросах Берия вел себя высокомерно, видно, никак не мог смириться с ролью подсудимого. Волновался за судьбу родных. День за днем Цареградский и его товарищи распутывали хитросплетения карьеры этого монстра и палача — от чудовищных предательств своих же «друзей» и восхождения по трупам на вершины власти до попытки государственного переворота, в случае успеха которого трудно было бы предсказать дальнейшую судьбу нашей страны.

Насчет родственников Берия волновался напрасно, они не были арестованы. Его жена, Нина Теймуразовна Гегечкори, кандидат сельскохозяйственных наук, имела репутацию честного человека. К сыну Берии, женатому на внучке Горького, Марфе Пешковой, тоже не было никаких претензий. По ходу следствия выяснилось, что Нина Теймуразовна — племянница Евгения Гегечкори, министра иностранных дел в меньшевистском правительстве Ноя Жордания в Грузии. Доказано, что Берия до самого ареста поддерживал связь с Жордания¹, который в конце двадцатых годов эмигрировал в Париж.

По делу Берии Геннадиию Афанасьевичу, помимо всего прочего,

¹ Жордания Н. Н. (псевдоним: Ан. Костров), 1869 года рождения, лидер меньшевиков на Кавказе, литератор; в 1918—1920 годах глава меньшевистского правительства Грузии, организатор меньшевистского восстания в Грузии в 1924 году. (Прим. авт.)

пришлось заниматься еще и, так сказать, «узкой отраслью», то есть его любовницами.

— Протоколы допросов, — вспоминает Терехов, — я вручал лично Генеральному прокурору Р. А. Руденко, а тот — Н. С. Хрущеву. Мне удалось выявить более двухсот любовниц Берии, причем некоторые из них носили такие фамилии, оглашение которых могло вызвать неприятности... Сначала я искал их, а потом они сами стали являться в Прокуратуру Союза. Допросить их всех не было никакой возможности. В конце концов, не помню, на какой уж «девушке» по счету, у Руденко лопнуло терпение, он вызвал меня и сказал: «Довольно. Не нужно превращать политическое дело в аморалку». А они все шли и шли... Многие из них были осуждены, мне потом пришлось заняться их реабилитацией: ведь и честные женщины невольно становились жертвами этого плотоядного палача...

Суд над Берией и его сообщниками проходил в здании штаба Московского военного округа. Берия вел себя спокойно, хотя ему предъявлялись такие обвинения, что даже у нас, выдавших виды профессионалов, волосы вставали на голове дыбом. Не могли скрыть волнения председательствующий маршал Конев и члены Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР, а Берия отвечал на вопросы бесстрастно. Только когда коснулись «девушек», Берия вдруг устыдился, смеялся и стал просить суд не зачитывать протоколы допросов. Этой просьбе вняли, но, конечно, не из сострадания к подсудимому. Дальнейшее перечисление имен могло вызвать нежелательные последствия...

— Думаю, что по поводу усиленной охраны Берии после его ареста и на суде никакой перестраховки не было, — говорит С. П. Гаврилов. — Ситуация была очень напряженная, и, очевидно, опасность военного переворота сохранялась до того самого момента, когда генерал-лейтенант Батицкий вечером 23 декабря 1953 года не вошел последний раз в бомбоубежище, где сидел Берия, и не разрядил в него свой «ТТ». Сообщников расстреляли в другом месте, отдельно. Труп Берии перевезли в Донской монастырь и, после того как специальная комиссия вновь подтвердила, что перед нею не кто иной, как бывший первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, бывший маршал, бывший Герой и т. п., лишь после этого труп Берии кремировали и развеяли прах. Таким был конец этого небывалого в нашей истории, беспрецедентного палача, на совести которого изломанные судьбы и смерть миллионов советских людей...

С 14 по 25 февраля 1956 года проходил знаменитый XX съезд КПСС. Терехов присутствовал на нем в качестве гостя, был и на закрытом заседании. Н. С. Хрущев читал документ, в подготовке которого участвовали многие люди. В одну из частей доклада были положены в основу и материалы следственной группы Прокуратуры СССР.

— По делу Берии мы предоставили в распоряжение ЦК партии такие данные и речь в них шла о столь вопиющих беззакониях, — говорит

Терехов, — что само дело Берии послужило началом широкой реабилитации. Она началась еще до съезда, в 1954 году... Роль Хрущева как политического лидера в огласке былых беззаконий, безусловно, велика. Это был смелый поступок. Однако Никита Сергеевич, разумеется, не мог миновать в свое время участия в трагически известных «тройках» и, когда стал главой государства, позаботился о том, чтобы его имя не упоминалось в связи с этим. Я неоднократно встречался с Хрущевым, видел его в различных ситуациях. Но это уже отдельный разговор. И, думаю, свое слово о нем еще скажут наши историки.

Второе возвращение. «Принцип Терехова»

После процесса над Л. Берией, В. Меркуловым, В. Деканозовым, Б. Кобуловым, С. Гоглидзе, П. Мешиком и Л. Влодзимирским в поле зрения следствия попали другие преступники, рангом пониже. Как же поступили с начальством бывших лагерей, работниками аппарата НКВД (МГБ) в Москве, других городах?

— Если становились известными факты, что тот или иной офицер госбезопасности замешан в необоснованных обвинениях против советских людей, — говорит Терехов, — то таких бывших сотрудников, в зависимости от степени вины, исключали из партии, снимали с должности или судили по закону. Но только в том случае, если имелись неопровержимые доказательства. Никакой особой чистки не делали, штаты не сокращали... Этими делами занимался мой коллега и однофамилец Дмитрий Павлович Терехов, заместитель главного военного прокурора Советской Армии, полковник юстиции. Тот самый, кто, кстати говоря, подписал сообщение в адрес Валентины Пикиной о полной ее реабилитации.

Это было время, когда второй раз в истории страны началось освобождение из лагерей. Терехов с утра до ночи читал в своем кабинете уголовные дела, извлеченные из архивов. Невеселое это было чтение... Мировая юридическая практика, наверное, знала немного случаев, когда после многолетних репрессий такого масштаба приходилось вести не меньшую по масштабам реабилитацию. Около двадцати лет занимался ею Терехов, до тех пор, пока не заstopорился пересмотр дел уже при Брежневе. Сейчас же, когда возобновилась реабилитация, был бы, наверное, весьма полезен новому поколению советских юристов опыт Геннадия Афанасьевича.

— Со временем я выработал собственную концепцию пересмотра дел, — рассказывал Терехов. — Готов и сейчас работать безвозмездно. Только надо бы пересматривать дела не по тем старым методикам, по которым людей сначала сажали, а потом растягивали реабилитацию на много лет. Сначала нужно разобраться в личности самого человека, изучить его. Если до ареста на него не было никаких материалов, а человек вдруг стал «сознаваться», то такие признания

следует еще тщательно проверить, подтвердить другими объективными данными. Если дело построено только на «признаниях» арестованного и никаких улик больше нет, можно смело передавать его в Верховный суд.

Невольно вспоминается дело А. В. Косарева. «Перед арестом Саша мне говорил, — рассказывала Мария Викторовна Нанейшвили, — чтобы я не верила ничему, написанному не его рукой. На Лубянке мне предъявили «признания» Косарева. Машинописный текст, на каждой странице — Сашина подпись... Меня охватил такой страх и отчаяние, что я забыла о наказе мужа: подпись-то показалась мне подлинной. Читаю текст: «Я, Косарев А. В., завербованный в контрреволюционную организацию...» — и глазам своим не верю. Началось со мною что-то вроде истерики, охрана заломила руки, потащила в камеру. А там вдоль стены какой-то сундук с торчащими трубами. Из труб — могильный холод. Замерзла я... И тут вспомнила Сашины слова, поняла: под протоколами стояла не подлинная его подпись, а факсимильная печать, изъятая в его кабинете после ареста... Тут же успокоилась, стала колотить в двери, выпустили... Так что они там на Лубянке шли на любую подлость, на любую подлог, чтобы сфальсифицировать дело!»

— И второе, — продолжал Терехов. — Если после ареста человека против него свидетельствовали арестованные лица, их показания нельзя считать достоверными. Особенно в том случае, если их не подтвердили другие показания тех людей, что были на свободе, и не боялись, что после отказа дать «показания» сами окажутся за решеткой. По-моему, под таким углом нужно рассматривать каждое дело. И тогда станет ясно, кого реабилитировать, а кого нет. Ведь в период необоснованных репрессий судили и настоящих преступников, хотя их, конечно, было намного меньше...

* * *

Читаешь редакционную почту — нет-нет, да мелькнет письмо сердитого читателя, недовольного возобновленной реабилитацией, все еще тоскующего по «железной сталинской руке». Часто без подписи. Кто же он?

Может быть, давно уволенный из органов следователь времен Ежова или Берия, которому все еще хотелось бы судить о человеке по строке доноса?.. А может, это вечная домашняя хозяйка, супруга какого-нибудь благополучного начальника, сделавшего карьеру в сталинское время, обывательница, никогда не знавшая ни Лубянских, ни Бутырских, ни Лефортовских застенков, не слышала криков избиваемых узников в тюрьме на улице Матросской Тишины?..

Или суровый пенсионер, «переживший» и Сталина, и Хрущева, и Брежнева, выглядывающий с ухмылкой из-за забора своей дачи «на перестройку»; функционер, сохранивший былой гневный румянец, не желающий ничего слышать о вое лагерных собак, побоях, жестоких шмонах, изнурительных этапах в Караганду, каторге «Беломорканала» и «Дальстроя», мраке урановых рудников?..

Нет, ни на шаг мы не продвинемся в нравственном отношении, пока окончательно не распутаем этот чудовищный клубок. Не предадим полной гласности преступления авантюристов перед нашим народом. Не назовем поименно тех, кого ни жестокие муки сталинской инквизиции, ни даже смерть не могли заставить отказаться от своих убеждений. Иск в защиту правды срока давности не имеет.

«...МИР ПОГИБНЕТ, ЕСЛИ Я ОСТАНОВЛЮСЬ»

16 сентября 1983 года на квартире Андрея Николаевича Алексеева работники БХСС произвели обыск. Сказали, что ищут «валютные ценности». Несколько часов подряд рылись в его библиотеке, перетряхнули архив. А когда забрали наконец личные письма, отчеты, конспекты, выписки — больше двух тысяч листов, — Алексеев понял, что «валюта» неожиданных визитеров и не интересует вовсе; видно, для вторжения и санкции на это прокурора Кировского района Ленинграда, советника юстиции В. А. Дмитриева, требовался лишь повод.

Пять писем Андрея Николаевича в прокуратуру с просьбой снять необоснованное подозрение ничего не дали. Более того. Почти через два месяца, 11 ноября, неизвестные взломали дверь его квартиры (Алексеев и его жена были на работе), снова перевернули вверх дном вещи и... ничего не украли. Алексеев заявил в милицию, но 60-е отделение «заупрямилось»: теперь ему, напротив, отказывали в возбуждении уголовного дела. Лишь через два года (!) он получил ответ из городской прокуратуры, подписанный заместителем начальника следственного управления Ф. Готовского: «...при расследовании дела, возбужденного по факту проникновения в Вашу квартиру, допущена неоперативность, в связи с чем с работников прокуратуры Василеостровского района истребованы объяснения... Обыск в Вашей квартире производился в связи с тем, что были основания полагать, что у Вас могут находиться валютные ценности... Обыск произведен обоснованно» (выделено мною. — А. Г.). А насчет того, что сами «основания» оказались мнимыми, ни слова!

Но к тому времени Андрею Николаевичу, по правде говоря, никаких «объяснений» и не требовалось. Все, что намечалось по сценарию, произошло. Соответствующая экспертиза пришла к выводу, что дневники и письма «содержат политически вредные и идеологически не выдер-

жанные оценки отдельных сторон советской действительности». 5 января 1984 года занавес наконец поднялся: Андрея Николаевича пригласили на беседу. Родилась справка «В отношении Алексеева А. Н.».

Кто же таков Андрей Николаевич Алексеев и какую опасность он представляет для нашего государства?

Потомок знаменитого П. П. Аносова, изобретателя русского буллата, потомственный ленинградский интеллигент, Алексеев блестяще окончил школу, а затем Ленинградский университет сразу по двум специальностям — славистика и журналистика, овладел тремя европейскими языками. Молодость его, работа в ленинградской «Смене» совпали с головокружительным временем «оттепели». В год XXII партийного съезда он стал коммунистом. Начало «брежневской эпохи» застало его в «Ленинградской правде», как и многие, не сразу почувствовал он, что начался новый, качественно иной период в жизни страны. Но вот стали снимать с полосы уже набранные острые критические материалы, правдивый анализ все чаще подменяли цветистые, изобилующие цитатами из речей партийных руководителей передовицы. Ему, заведующему отделом промышленности газеты, все реже удавалось найти общий язык с руководством. Складывалась до боли знакомая многим теперешним моим коллегам ситуация, когда лучше уйти самому, чем ждать, пока тебе предложат написать заявление «по собственному...» Да и сам Андрей Николаевич уже хорошо понимал, что не сможет участвовать в этой пандемии лицемерия (тот, кто пережил время застоя, работая в печати и стремясь нести людям правду, знает, каких нервов это стоило!). Алексеев давно искал иную сферу приложения своих способностей. Он выбрал социологию, защитился, стал кандидатом философских наук. Так был сделан, может быть, важнейший выбор в его жизни.

Из дневника А. Н. Алексеева (1987 г.)

«Не гони волну», «Жить-то надо», «Хочешь жить — умей вертеться» — повсеместное распространение и сложившийся своего рода диктат этой «житейской мудрости» заслуживают сегодня не осуждения, а понимания. Как-никак это пусть вынужденная, но все же нравственная позиция в отличие от цинизма, который принципиально аморален. Надо сказать, что такие «нравственные уроки», закрепленные многолетним жизненным опытом, даром не проходят. В этом смысле моральная перестройка вероятно не столько в нынешнем, сколько в следующем поколении.

Нравственным уроком для отдельных людей (хоть и не большинства, но имя им легион!) начиная с середины 60-х годов — времени глубокого общественного разочарования после надежд, разбужненных XX съездом КПСС, — были зачастую мучительные, у одних только внутренние, у других находящие выражение в поступках, в линии поведения, нравственные искания: как жить, что делать, чтобы... (Чтобы остаться

самим собой? Чтобы жизнь не прошла зря? Чтобы быть полезным обществу?) Слова могут быть разные, а суть-то одна — личностное воплощение общественной совести. Для меня, как для социолога, это вопрос не только нравственный, но и профессиональный».

Мне потребовалось бы больше слов для объяснения позиции Алексеева перед тем, как он решился на уникальный эксперимент, поставленный... на самом себе. В то время Андрей Николаевич, как и многие ученые-обществоведы, оказался перед дилеммой: либо преподнести результаты исследований такими, какими их желают получить руководители, нетерпеливо ждущие научного доказательства правильности «генеральной линии», вооружиться такой казуистической терминологией, так замаскировать истину, что сам черт себе голову сломит, либо попытаться дать анализ истинного, но, мягко говоря, удручающего положения вещей. В 1980 году Алексеев принимает решение: на несколько лет сместить кабинет Института социально-экономических проблем АН СССР (ИСЭПа) на заводской цех «Ленполиграфмаша», стать рабочим, изучить ситуацию «изнутри».

Весьма подробно об этом уже писала «Литературная газета» (Л. Графова. «Преодоление пределов», «ЛГ» от 23 сентября 1987 года, № 39). Поэтому ограничимся хроникой.

1982 год. После первых докладов на ученом совете ИСЭПа о результатах примененного им метода «наблюдающего участия» и вывода о том, что «своеобразным солнечным сплетением системы производственных отношений является управление распределением, а ключевой проблемой — реализация принципа «От каждого — по способностям, каждому — по труду», Андрея Николаевича на всякий случай увольняют из института (он работал там на полставки) под предлогом «сокращения штатов». Это было в январе.

1983 год. Обыск и налет на квартиру.

1984 год, март. Справка «В отношении Алексеева А. Н.» разослана по организациям, в том числе и на завод «Ленполиграфмаш».

1984 год, май. Заводской партком утверждает решение цехового партийного собрания об исключении А. Н. Алексеева из рядов КПСС.

1984 год, август. Секретариат Ленинградской организации принимает решение об исключении Алексеева из членов Союза журналистов СССР.

1986 год, январь. На бюро Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации А. Н. Алексеева исключают из рядов ССА.

...Я впервые приехал к нему в Ленинград осенью 1987 года, мы познакомились и впоследствии стали добрыми товарищами. К тому времени, измотанный непрерывным напряжением, но отнюдь не сломленный, он уже седьмой год вел свой необычный эксперимент. Вел вопреки устроенной ему травле. Отлученный от ИСЭПа, исключенный и еще не восстановленный в партии, он продолжал работать в одиночку, беспокоясь лишь о том, как сберечь силы, чтобы довести дело до

конца. Ему было очевидно, что резко критические исследования в начале 80-х годов, выступления на ученом совете ИСЭПа, попытка защитить своего учителя В. А. Ядова, ученого с мировым именем, которого вынудили уйти из института, устроив настоящий погром его школе, — все это не могло не раздражать партийный аппарат времен Романова. Пока, наконец, чаша терпения не переполнилась.

— Это трудно передать, — говорил он мне тогда, разминая в пальцах давно потухшую папиросу. — Ощущение духоты. Как перед грозой, понимаешь? Сначала тишина. Потом удар за ударом...

Ну как же не понять? Как забыть это ощущение, словно тебе приходится жить на полигоне, где ежедневно упражняются снайперы... Где «чересчур» смелая статья, даже не пропущенная в печать, подпись под письмом в чью-то защиту или просто неловкое высказывание могли любого превратить в «мишень», поставить под сомнение все, в том числе минимум личного благополучия... Когда малейшая попытка выразить несогласие с официальным курсом или даже поставить под сомнение его правильность оборачивалась политическими обвинениями... Вот в каком «перекрестии прицела» оказался Андрей Николаевич Алексеев, талантливый ученый, честный коммунист.

Из дневника А. Н. Алексеева (1980 г.)

«Моя нынешняя социально-производственная ситуация вполне укладывается в «формулу разгильдяйства». Элементами этой формулы являются незаинтересованность, некомпетентность, безответственность. Разгильдяйство может обрести человеческие, теплые формы, включать в себя стихийную доброжелательность, простоту отношений, готовность к взаимопомощи. Разгильдяйство в чистом виде выражено в низовом руководящем звене, не столь человеческом, как рабочий класс, не столь бюрократичном, как менеджеры и чиновники.

Разгильдяи-мертвяки и разгильдяи-люди, с такой тонкой гаммой взаимопереходов и оттенков! Хотя я бы предпочел избегать употребления этого понятия для определения отдельных субъектов. Это не обозначение человека, а **социальное качество** (выделено Алексеевым. — А. Г.). Каждый человек в отдельности вроде бы и не разгильдяй, а в целом — массовое разгильдяйство...

Вот что прочитали в парткоме «Ленполиграфмаша», куда любезно переправили рукописи А. Н. Алексеева «для ознакомления». Вывод парткома был однозначен: коммунист такого написать не мог, так мог написать только отщепенец! Никакие алексеевские объяснения, письменные ли, устные, не помогли. Доказывал — не слышали. Читали главным образом отчеркнутое красным карандашом. Никому оказались не выгодны наблюдения ученого-социолога «глазами рабочего»: выводы и мысли Алексеева на фоне трескотни о «дальнейших успехах» представлялись кощунственными.

Ну, а потом-то, после Апреля, после XXVII съезда партии? Сегодня, казалось бы, само время напоминает о том, что обычную перестраховку не стоит выдавать за внутренние убеждения; не надо совершать поступки, за которые потом бывает стыдно. А уж совершив, по недалекновидности или по лукавому недомыслию, — исправлять должно! Однако наивно было бы думать, и политические дискуссии последнего времени (одна лишь история с публикацией письма Н. Андреевой в «Советской России» чего стоит!) убеждают, что и нынче в борьбе за перестройку мы не так скоро преодолеем попытку некоторых людей загримировать желание вернуться к старому «принципиальной позицией», а саботаж демократии и гласности — «осторожностью в разумных пределах».

Есть, например, замечательная возможность проследить эволюцию мышления секретаря парткома «Ленполиграфмаша» М. К. Михайлова в октябре прошлого года и теперь, накануне Всесоюзной партийной конференции. Замечу, что М. К. Михайлов, несмотря на солидную должность, не какой-нибудь убежденный сединой застойный функционер. Ему всего 35 лет. В недавнем прошлом комсомольский работник. У него располагающая к задушевности внешность, он в меру деликатен и строг, уверен в себе.

Тогда, в прошлом году, А. Н. Алексеев подал апелляцию о восстановлении в рядах КПСС с сохранением партийного стажа, полагая, что в ходе перестройки может рассчитывать на справедливость.

— Неужели вы всерьез считаете, что так называемые научные наблюдения Алексеева не антисоветчина чистой воды? — глядя в глаза, спросил меня Михайлов.

— Михаил Кириллович, — сказал я, в свою очередь, — какие из научных трудов Алексеева вы читали? Ведь у него только опубликованных больше ста двадцати...

Секретарь парткома погрузился в раздумья. И признался затем, что нет, ничего он не читал, кроме бумаг, оказавшихся в парткоме накануне исключения Алексеева из партии. Неудивительно, что и в подписанной Михайловым характеристике на А. Н. Алексеева, которую потребовала парткомиссия Ленинградского обкома КПСС, от 12 августа 1987 года сказано: «Выступления Алексеева носят критический, демагогический характер (?). Хорошо понимая в каждом случае суть конфликта, он умело и намеренно обостряет противоречия между рабочими и администрацией... Имеет явную склонность к сутяжничеству». И далее: «...ни с какой критикой в свой адрес не соглашается, вины перед партией за собой не признает».

Через полгода я снова сидел в кабинете Михайлова, и он мрачно-то косился на включенный диктофон.

Пленка: «В прошлый раз вы говорили, что политические обвинения в адрес Алексеева имеют под собой почву, что он в самом деле настроен антисоветски... Изменилось ли ваше мнение за время, пока мы не виделись?» «Я эту часть нашего разговора, честно говоря, что-то не

припомню...) «Ну, что ж, тогда, может быть, вы сейчас скажете, что думаете по этому поводу?» (Долгая пауза.) «Видимо, время накладывает отпечаток... Но, наверное, не в этой области время должно накладывать отпечатки... В тот период выводы Алексеева были очень революционными. Оценить их значимость, может, тогда было и невозможно». «А сегодня?» «А сегодня, наверное, их нужно оценивать... Я читал страниц двадцать. Были обобщения о коллективе, где он трудится. Не надо было обобщать в целом! В любое время, застойный ли это период, незастойный, эти определения должны быть все-таки неизменными...»

Интересно, почему?

Из письма А. Н. Алексеева

«26.XII.87. Ленинград.

...Ты просишь, чтобы я рассказал дополнительно о том, на что «обиделся» партком перед моим исключением из КПСС? Вот пример. Моим критикам показалось оскорбительным замечание в личном письме в связи с коммунистическим субботником в апреле 80-го. «Цеховой четырехугольник, — писал я другу, — обходил все рабочие места и каждому цеплял на грудь красную тряпочку. Почему «тряпочку», допытывались у меня, может быть, «бантик»? Не помню, была ли эта ленточка завязана в бантик. Кажется, нет. На последующих субботниках вручался уже не бантик, а значок. Но дело не в этом».

«На мой взгляд, действительно кошунственной липа в экранах таких субботников, где фиксируется (в нормо-рублях) объем работы за каждые два часа, но в полном рассогласовании с реальными результатами труда за это время. Отчеты о выполнении полуторного или хотя бы целого дневного задания за те 4—5 часов реального субботника — это сплошное очковитительство! Фактически на субботнике закрываются наряды на продукцию, изготовленную раньше... Все это прекрасно знают: от рабочего до директора. А от беспартийного рабочего можно услышать, что это «политика партии». Вот над чем бы задуматься, а не над тем, как назван «бантик» в личном письме...»

Перечитываю и думаю: и это антисоветчина?

Нет, ничего за полгода не изменилось в мышлении милейшего Михаила Кирилловича. В прошлом году Андрей Николаевич и его товарищи по участку восстали против формальной организации двухсменки, когда рабочих механически поделили на две группы. Против того, что дирекция уменьшает расценки на старых рабочих местах вместо снижения затрат на единицу продукции. А Алексееву ярлык: демагог, мол, критикан... Однако поскольку многие рабочие поддерживают Алексеева, партком, профком, администрация то и дело оказываются в «изоляции». Особенно ярко проявилось это при недавних выборах советов трудовых коллективов (СТК).

Из письма А. Н. Алексеева

«3.1.88 г. Ленинград.

...Расскажу тебе о том, как делались снизу еще даже не перемены, а — правильное сказать — создавались демократические предпосылки перемен на нашем «Ленполиграфмаше».

Кампания выборов в СТК началась еще в конце прошлого года, когда в многотиражке опубликовали проект Положения о совете трудового коллектива. Кое-что в этом положении нам показалось странным, и группа работников нашего цеха, в которой по крайней мере троих можно отнести к разряду «неудобных», обратилась в газету с письмом. Мы предложили не выбирать в СТК по заранее составленным «спискам кандидатов», имея в виду, что таким образом в общественные организации могут попасть «свои люди» — стоворчивые, некомпетентные. Прошла дискуссия. Мы сумели настоять на своем, и в нашем цехе, например, кандидатуры в цеховой совет выдвигали на собраниях участков без ограничений. В итоге выяснилось, что в состав СТК не прошел начальник цеха (не попал в число 13 первых кандидатов), а секретарь партбюро набрал даже меньше половины голосов. Вот тебе эффект полноценного тайного голосования!

В других цехах произошло примерно то же самое. Кто-то характеризовал это как «разгул демократии», я бы сказал скромнее — «ростки демократического сознания». И как, ты думаешь, отозвалась на это событие администрация? Прочитирую отрывок из заметки одного из разрабочников первоначального варианта Положения. «Безусловно, выборы в СТК выявили много проблем. К примеру, в советы не вошло большинство руководителей подразделений. Это отнюдь не означает недоверие людей к своему руководству или недовольство им (выделено Алексеевым.—А. Г.). Просто коллективы лучше организаторов выборной кампании разобрались в различии функций СТК и полномочий администрации».

Что же дальше? Профсоюзные лидеры спохватились и стали принимать все меры к тому, чтоб на общезаводской конференции не повторились «неожиданности» цеховых собраний. Четыре часа шли дебаты, и... все-таки проголосовали списком! Как говорится, шаг вперед — два шага назад. Но ведь «уроками демократии» могут служить не только завоевания ее, но и поражения.

Жму руку! А. А.»

Рассказывали мне, что в Ленинграде ходит по рукам ксерокопированный плакат. На нем двое рабочих держат в руках лозунг: «Вся власть Советам...» — это крупно, а ниже чуть помельче: «...трудовых коллекти-

вов!». «Ростки демократического сознания» упорно пробивают себе дорогу к свету сквозь толщу бюрократического бетона. Есть чего бояться во время революции тем, кто, не желая участвовать в переменах, видит себя в роли сторожа в будке и торопливо «просчитывает»: пущать дальше гласность и демократию или не пущать, а если пущать, то до каких пределов? Привычных-то инструкций на сей счет нынче не поступает!

**«Проходя Аллеей славы»
(«Трибуна машиностроителя»
от 10 февраля 1988 г.)**

«Каждый день мы дважды проходим по Аллее славы на работу и с работы и обычно не смотрим по сторонам. А там снимки лучших людей нашего предприятия. Но вот мы посмотрели и удивились. Дело в том, что из 32 портретов на заводской Доске почета два принадлежат нашему, третьему цеху. Это фотографии К. Х. Кутуева, председателя цехового комитета, и В. Н. Курсова, секретаря цехового партбюро. Возникает вопрос: как подбираются кандидатуры для Доски почета?

...Какой бы вопрос ни возник, рабочие знают — к предцехкома лучше не обращаться. Он только собрания открывать умеет. А мнение у него всегда совпадает с мнением начальника... Мы считаем, что председателю нашего цехового комитета не место на заводской Доске почета. Коллектив цеха его туда не выдвигал...

А. Алексеев, слесарь, член СТК цеха, Е. Рыжов, слесарь, член совета бригады, С. Русинов, слесарь, член совета бригады, В. Косульников, слесарь».

**Ответ партбюро цеха № 3 на письмо
«Проходя Аллеей славы»
(«Трибуна машиностроителя»
от 23 марта 1988 г.)**

«...Партбюро цеха считает предложение авторов письма обсуждать кандидатуры, представляемые на Аллею славы, на цеховом собрании, неприемлемым, потому что не у всякого хватит сил выдержать такое, это будет похоже на разбор проступка нарушителя. У нас вызывает удивление, что редакция газеты дала непроверенный материал, направленный не на объединение коллектива, а на противопоставление одной части другой. Надеемся, что партийный комитет объединения разберется во всей этой истории и даст принципиальную оценку.

Партийное бюро цеха № 3».

Партком безмолвствует. А его глава М. К. Михайлов во время последней нашей встречи заметил: «У нас много инициативных людей, небезразличных, думающих... А вот Андрей Николаевич, мне кажется,

больше ученый, чем полиграфмашевец...» «А восемь лет работы?» — спросил я. «Отчасти это вынужденные восемь лет. Когда тебя лишают званий, что остается, если ты социологом быть не можешь?»

Между тем «непатриот» Алексеев — автор шести рацпредложений, ударник комтруда, полтора года назад — абсолютный победитель соцсоревнования на заводе. И это скрепя сердце даже его недруги вынуждены признать. Компетентность Алексеева постоянно сталкивается с некомпетентностью администраторов. Вот и побаиваются его, норовят подловить на мелочах. А когда Андрей Николаевич выбирает нормальный с правовой точки зрения способ защиты, обвиняют в сутяжничестве.

22 января прошлого года начальник цеха объявил ему выговор «за опоздание с обеда на 10 минут». Как поступил бы на его месте обыкновенный рабочий? Ну, подождал бы, пока снимут взыскание. Алексеев же обратился с иском на «Ленполиграфмаш» в районный суд. Отчего бы, на самом деле, не проследить механизм восстановления социальной справедливости на собственном примере? И было несколько судебных заседаний. Был и протест в президиум Ленинградского городского суда прокурора г. Ленинграда, государственного советника юстиции III класса А. Д. Васильева. И что же?

**Выписка из решения
Петроградского районного нарсуда
от 25 марта 1988 г.**

«Снять с Алексеева Андрея Николаевича дисциплинарное взыскание — выговор, объявленный распоряжением начальника цеха № 3 ПО «Ленполиграфмаш» от 22.01.1987 г. Решение может быть обжаловано в Ленгорсуде в 10 дней».

Слух об этом немедленно облетел завод. Начальство справляло невольную «тризну». Алексеев получал поздравления от товарищей по цеху.

Этот урок, преподанный Алексеевым, имеет одну важную особенность. Проще всего было бы представить сегодня Андрея Николаевича только как «жертву произвола», чье поведение не устраивает «консервативно настроенных чиновников». Однако сам-то он отнюдь себя жертвой не считает. Напротив, как бы вынуждает окружающих определять позицию, делать жесткий выбор: и рабочих в своей бригаде, и ученых, и администраторов, и партийных работников, и личных друзей, — вот еще какой парадоксальной гранью обернулся его эксперимент! А все формы противодействия, которые оказывают ему и по сей день, в сущности, сводятся к одному: упорному нежеланию понять, что социолог А. Н. Алексеев поставил опыт не на ком-то, а на самом себе; движет им не тщеславие, не корысть, а глубокий интерес ученого докопаться до

истины, правдиво разобраться в том или ином явлении, не уступая догмам.

Андрей Николаевич не скользит по времени, но вторгается в него со всей энергией, на которую способен; и оно, время, в разные периоды жизни не лечит — глубоко ранит его. Согревает лишь уверенность, что он не один, не какая-нибудь белая ворона на общем кумачово-благополучном фоне.

В апреле восемьдесят четвертого два коммуниста воздержались при голосовании на цеховом партийном собрании при исключении Алексева из КПСС. Это бригадиры А. В. Сыцевич и И. В. Виноградов, с которыми Андрей Николаевич непосредственно работал. Беспартийный инженер Б. И. Максимов хотел прийти на заседание парткома, чтобы заявить о своем «особом мнении», когда разбирали персональное дело Алексева, — не пустили. Но был еще и четвертый...

Из письма А. Н. Алексеева

«21 февраля 1988 г. Ленинград.

...Время от времени я пытаюсь проанализировать прошлое, особенно сейчас, когда встал вопрос о моем восстановлении в КПСС. Недавно мне стало известно вот о чем. Г. А. Богомолов, оказывается, был единственным членом той самой партийной комиссии (заводской, отчего я не сразу об этом узнал!), который возмутился предложением читать мои личные письма в целях политического обвинения. Ему объяснили, что письма — это «статьи». Богомолов взялся читать подряд. «Так ведь это же правда!» — заявил он. Ему сказали: «Ты читай подчеркнутое». «Во-первых, — примерно так возразил Богомолов, — этак и из центральных газет настричь цитаток можно. Во-вторых, где же тут клевета на советскую действительность?» На заседании партийной комиссии, где мне вменялось в вину нарушение Устава КПСС, то есть среди прочего — «в написании статей политически вредного содержания», Богомолова не было. Его не пригласили. А потом и вовсе исключили из состава комиссии при парткоме.

Я бы не рискнул утверждать, что эпизод этот сыграл значительную роль в эскалации травли, которую развернули против лучшего фрезеровщика Ленинграда, лауреата Государственной премии Г. А. Богомолова. В 1986 году его тоже исключили из партии и восстановили лишь недавно. Но этот эпизод лишний раз высвечивает те человеческие резервы современной перестройки, которые, разумеется, существовали и до апреля 1985 года. И еще одно: обнаруживается (обнаружилось еще до личного знакомства) то общее, что объединяет нас с Богомоловым. Что позволило нам при личной встрече в конце 1986 года (Богомолов был только что исключен из партии, а Алексеев получил отказ на апелляцию, посланную в адрес XXVII съезда КПСС) просто обняться... Мы

не «товарищи по несчастью». Мы — побратимы и соратники!... Как тебе лучше назвать это общее? Это нравственно-политическая позиция.

Тебе, видимо, тоже приходится видеть, что дифференциация позиций происходит сейчас в каждом социальном слое. А вот мой личный опыт позволяет сделать и другое наблюдение. Не всякий управляющий — бюрократ, но бюрократы, как правило, так или иначе принадлежат к управленческой сфере. Тем более не каждый рядовой труженик (рабочий, инженер, ученый и т. д.) — борец за перестройку. Но встретить их пока что чаще всего можно среди рядовых. Говоря фигурально, я чаще нахожу союзников среди народа, чем среди его «слуг». **Противостояние бюрократии, которая объединена групповым интересом и умеет отлично организовать себя, с которой пока еще не нашли эффективных способов борьбы «простые люди», которая испытывает на себе лишь активное сопротивление «прорабов» и подвижников перестройки, — вот, пожалуй, главная примета нынешнего этапа.** (Выделено мною. — А. Г.). Перестройка — дело общенародное, и нужна она всему народу. Не всеми, к сожалению, это осознано, зато бюрократы понимают сие прекрасно! И их сопротивление состоит прежде всего в том, что они пытаются поставить перестройку себе на службу...

Да, время ранит, но оно же работает на таких подвижников перестройки, как А. Н. Алексеев, Г. А. Богомолов, рабочих одного ленинградского завода. Медленно, но что-то все же сдвигается в общественном сознании.

25 марта прошлого года Андрей Николаевич мог бы воскликнуть: «Лед тронулся, господа присяжные заседатели!» В этот день его выбрали членом Центральной ревизионной комиссии ССА. Письмо с поздравлениями прислал президент ССА АН СССР академик Т. И. Заславская и председатель ЦРК ССА профессор А. А. Табиани. В ноябре того же года (не без учета мнения общественности и коллективных писем коммунистов) бюро Ленинградского обкома партии единогласно проголосовало за ходатайство перед КПК при ЦК КПСС о восстановлении А. Н. Алексеева в партии с 1961 года без перерыва в партийном стаже.

Лед-таки тронулся, но тут же остановился: процесс партийной реабилитации Андрея Николаевича начал тонуть в бумагах...

С тех пор «Дополнение к справке Ленинградского обкома КПСС по партийному делу т. Алексеева А. Н.» в КПК при ЦК КПСС выдержало по крайней мере три редакции. В апреле Андрей Николаевич показал мне последнюю. Звучит она по-бюрократически застенчиво: «В связи с принятыми партийными решениями о развитии гласности, проводимой работой по устранению застойных явлений, утверждением реальностей в оценке жизни общества, материалы, которые распространял т. Алексеев, утратили свою значимость как документы политически вредного характера» (?). Затем, после перечисления достоинств Алексеева, текст заканчивается следующими жизнеутверждающими словами: «Принимая все это во внимание, а также установившуюся в партии обстанов-

ку откровенности, бюро обкома партии приняло решение просить КПК при ЦК КПСС о восстановлении т. Алексея А. Н. в партии без перерыва в стаже».

Тут невольно посочувствуешь сотрудникам Комитета Партийного Контроля. Чего же желает парткомиссия обкома? Реабилитировать в партии человека, который, судя по «Дополнению...», был едва ли не диссидентом, а теперь, дескать, перестал им быть, поскольку застойный период кончился и то, что недавно считалось черным, стало белым? То есть получается, парткомиссия просит: вы уж там, пожалуйста, у себя в Москве не принимайте близко к сердцу, что никто у нас в Ленинграде не собирается снимать с Алексея «вины» образца 1984 года, утвердите решение бюро! Волки останутся сыты и овцы целы!

По всей вероятности, для капризного упорства парткомиссии обкома партии, сочиняющей то одну, то другую формулировку, есть куда более серьезные и глубокие причины, чем бюрократическая уловка. Что значит сегодня, в 1988 году, публично признать, что Андрей Николаевич был обвинен необоснованно и несправедливо? Это значит автоматически, прямо или косвенно «бросить тень» на тех, кто четыре года назад обыскивал его квартиру, кто по указке сверху пустился на санкционированное беззаконие, а затем не желал за него отвечать. Кто зубоскалил над его личными письмами, пущенными по рукам на «Ленполиграфмаше». Кто талдычил на ученых советах ИСЭПа о «несостоятельности» Алексея, как ученого-социолога», исключал его из Союза журналистов и ССА все по тем же политическим обвинениям, устроил ему травлю... Куда уж легче оставить все по-прежнему: мол, Алексей был по сути своей антисоветчиком и остался им; правильно, дескать, сделали, что выдворили его из партии, поделом! И если мы теперь его снова восстанавливаем, то лишь потому, что в партии установилась «обстановка откровенности»...

Но давайте все же разберемся. Под «обстановкой откровенности», очевидно, подразумевается гласность. Что же мешает и заявить ленинградцам гласно (то есть во весь голос — в газетах ли, по телевидению), что никаких грехов на Андрее Николаевиче Алексее нет, ни в чем он ни перед партией, ни перед родным городом, ни перед страной не виноват, а совсем наоборот — перед ним виноваты конкретные носители государственной власти. Принести публичные извинения за то, что пришлось вытерпеть ему, мужественному человеку, ученому, рискнувшему поставить опыт на самом себе и тем самым еще в начале восьмидесятых, когда никто и не заикался о перестройке и демократии, одному из первых понять, что, кроме радикальных революционных перемен, у страны нет альтернативы. Понял — и дерзнул научно это доказать!

Рассуждая о сопротивлении перестройке, пытаясь понять логику ее противников, предугадать, откуда и какой последует удар (а пока еще никто не может дать гарантии, что консервативные силы не перейдут в наступление!), мы не можем позволить себе роскоши беспечно наблю-

дать за тем, как пытаются исподтишка задушить нашу надежду. Трудность заключается в том, что торможение идет скрытое, а мы, по существу, еще не выработали стратегию защиты. Мы еще колеблемся в выборе способа уберечь первые завоевания перестройки, а горький опыт сталинских лет убедил, к чему приводит мания подозрительности... Значит, есть только один путь — демократический, есть только одно средство борьбы — активная и гласная политическая дискуссия с теми, кто то собирается под знаменами черносотенных «идей», то впадает в «левый экстремизм». И вот этих демократических позиций уступать нельзя.

Из письма А. Н. Алексеева (1987 г.)

«Не знаю еще, не уверен, наступило ли время подвести для себя некоторые итоги? Но очень важным считаю то, что условно называю «опережающим поведением». Иной раз подумаешь: вроде бы рядовому рабочему, рядовому ученому, рядовому журналисту (жизнь сложилась так, что эти профессии у меня не только сменяли друг друга, но порой и совмещались) мир не перевернуть. Однако один солдат всю жизнь мечтает стать генералом, а другой просто в числе первых поднимается над бруствером.

Делать самому, не дожидаясь других, — ведь каждая честная попытка оставляет свой след! Как умеешь, где можешь, в чем видишь нужным... Не обязательно быть Львом Толстым, чтобы сказать себе: «...Мир погибнет, если я остановлюсь».

Перечитываю эти строки и ловлю себя на том, что думаю уже не об Андрее Николаевиче. Его не надо жалеть, он победит. Он уже победил. Ведь в конечном счете за ним историческая правота. Я думаю не об Алексеевых — о михайловых. С ними-то как нам быть?

СОДЕРЖАНИЕ

Не отрекаясь от себя	5
Вечный иск	19
«...Мир погибнет, если я остановлюсь»	34

ГОЛОВКОВ Анатолий Эммануилович

ВЕЧНЫЙ ИСК

Очерки

Редактор А. Ю. Чернов

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 23.02.89. Подписано к печати 25.04.89.
А 04437. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура
«Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отг. 2,28. Уч.-изд. л. 3,09. Тираж 150 000 экз.
Зак. № 268. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ЖИЛЫХ ДОМОВ, ДАЧ, САДОВЫХ ДОМИКОВ!

● Принадлежащие Вам на праве личной собственности строения застрахованы по государственному обязательному страхованию только в размере 40 % их стоимости. В дополнение к обязательному страхованию строения можно застраховать в добровольном порядке еще на 60 % их действительной стоимости.

● Стоимость строений определяется по государственным розничным ценам (с учетом износа).

● ДОГОВОР ДОБРОВОЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ СТРОЕНИЙ обеспечит Вам максимальное возмещение ущерба в случае гибели (повреждения) строений от пожара, стихийных бедствий и несчастных случаев.

Договор заключается сроком на 1 год.

● Подробнее ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно в инспекции Госстраха или у страхового агента.

Госстрах РСФСР